

СТРАЖЕР

Виктор Точинов

[ТРЕТЬЕ ПРИШЕСТВИЕ]

ЗВЕРИ ЗЕМЛИ

Виктор Павлович Точинов
Третье пришествие.
Звери Земли
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Третье пришествие», книга 2

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25578309
Виктор Точинов Третье пришествие. Звери Земли:
ISBN 978-5-17-982664-4

Аннотация

Сталкер-аномал Петр Панов по прозвищу Питер Пэн продолжает поиски своих похищенных детей. Путь долгий и трудный: бывшие друзья неожиданно оказываются врагами, а родная контора начинает охоту за бывшим сотрудником. К тому же иностранная разведка заинтересовалась разработками Вивария и не прочь добраться до Панова, знающего многие тайны зоноведческой науки... Постоянно вступая в схватки и уходя от погонь, он не забывает свою главную задачу: спасти дочерей-близняшек. След вновь уводит в Зону – и Питер Пэн уходит туда один и без оружия, с преследователями, висящими на хвосте... Там он находит новых союзников, назвать которых людьми можно с очень большой натяжкой, а к старым знакомым опасностям и

ловушкам Зоны добавляются новые враги. Удастся ли пройти по лезвию ножа и достигнуть заветной цели? Шансов немного, но Питер Пэн не привык отступать и сдаваться.

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	8
Глава 2	27
Глава 3	54
Глава 4	83
Глава 5	101
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Виктор Точинов

Третье пришествие

Звери Земли

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

© В. Точинов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Часть персонажей и некоторые сюжетные ходы этой исто-

рии придуманы Александром Щёголевым, по ряду причин не принявшим участия в написании книги.

Часть первая
Питер Пэн и тайны
мадридского двора

Глава 1

Рояль в кустах

Ничто так не прочищает мозги, как пуля, угодившая в голову.

Так любил говорить один мой знакомый сталкер, ныне покойный, – правда, сам он загнулся не от пули, а от банального цирроза.

Пуля угодила не в мою голову, в стену на полметра выше ее – и раскрошила кирпич, обсыпав меня белой силикатной крошкой. Но мозги от остатков сонливости прочистила очень хорошо.

Пришлось оставить мысль о привале и хотя бы получасовом сне: преследователей не остановила полоса препятствий на месте бывшего Балтийского вокзала, густо напичканная всяческими ловушками, и даже не сильно задержала. И мост через Обводный канал они прошли аккуратненько, не потревожив колонию «ведьминых гнезд», а я так надеялся, что потеряют хотя бы одного-двоих...

Не потеряли. Приблизились сотни на полторы метров, нащупали меня биодетектором и послали свинцовый привет: не спи, Питер Пэн, мы здесь, мы рядом! Даже задремать не успел.

Убивать меня они не планировали... По крайней мере парочкой удобных случаев не воспользовались. Похоже, я ну-

жен им живым. Их план проще: утомить, загонять до предсмертного состояния и взять тепленьким, но не способным сопротивляться.

Низко пригибаясь, я выбрался из-за бетонной балюстрады, где наладился было прикорнуть. Завернул за угол, убравшись из сектора огня. И сразу же перешел на бег. Вокруг была промзона, относительно чистая, ловушки здесь имелись, но единичные. И надеяться стоило лишь на ноги...

А вот они как раз подводили... Подкашивались. Им, ногам, нестерпимо хотелось перевести организм в горизонтальное положение – часов хотя бы на несколько.

Но даже получаса нам с организмом отдохнуть не позволили. Возобновилась игра в кошки-мышки, причем в роли мышки выступал Петр Панов по прозвищу Питер Пэн (то есть я), привыкший совсем к другим ролям.

Недооценил я «черных пантер», недооценил... Решил, что мне – опытному сталкеру, да еще обладающему аномальными способностями, – не составит труда оторваться в Зоне от боевиков, пусть и хорошо подготовленных.

Даже без оружия и снаряжения оторвусь, наивно думал я, все здешние ловушки и опасные аномалии станут моими невольными союзниками, пожирающими преследователей одного за другим.

Ошибался.

О Зоне «черные пантеры» понятие имели... Не знаю, кто и зачем их натаскивал, но познания у противников, как мне

показалось, были скорее теоретические, а полевой опыт – минимальный... Но и этого хватало, чтобы не лезть по-глупому в ловушки, куда я пытался их заманить. А дальше в дело вступало их преимущество в числе и в оружии – придумать и подготовить западню похитрее и посложнее не было ни времени, ни возможности...

Свое оружие (вернее, трофейное) – ПММ с полностью опустошенным магазином – я выбросил, сделав два последних выстрела. Ни к чему таскать лишнюю тяжесть, коли уж разжиться боеприпасами для него никакой надежды нет. Ну, разве что попадется на пути погибший сталкер с карманами, набитыми 9-миллиметровыми патронами к «макар макарычу». С той же примерно вероятностью, если вдруг возникнет желание слабать «Мурку» или «Чижика-пыжика», можно обнаружить в ближайших кустах концертный рояль...

Сталкеры старой формации – мой отец Максим Кириллович Панов, например, – имеют в Зоне тайники, небольшие складки с минимальным запасом на черный день: хотя бы один ствол, боеприпасы к нему, аптечка, продукты...

Увы, меня к таким сталкерам – запасливым и предусмотрительным – отнести нельзя. Привык за десять лет службы в Виварии, что всем обеспечивает государство. А где находятся в Зоне отцовские тайники, я понятия не имел...

Знал местонахождение пары его капитальных схронов, расположенных снаружи Периметра. Даже хотел вооружиться и экипироваться в одном из них, но «черные пантеры» не

позволили. Гнали, как зверя на облавной охоте, в глубь Зоны: ни развернуться, ни пробиться обратно к Периметру.

Единственная надежда вооружиться и сыграть с преследователями на равных – остров Новая Голландия.

Там почти с самого возникновения питерской Зоны размещался филиал номер семнадцать ЦАЯ, кодовое обозначение «Виварий». А я служил в нем заместителем начальника, отвечал за работу с исследуемыми аномалиями, в основном за опыты в полевых условиях...

Сейчас наша база из Новой Голландии эвакуирована – причиной послужил мини-Прорыв Зоны на территорию, нормально жить и работать там стало невозможно. Но я хорошо знаю, с какими трудами завозили на остров собранные там запасы: по воде, из Кронштадта, на парусно-гребных транспортниках. Вывезти все при спешной эвакуации, разумеется, не успели – оставили на законсервированных складах и запасы продовольствия, и амуницию, и оружие...

И мой план «би», спешно сочиненный в ходе марафона по Зоне – когда стало ясно, что ее ловушки чужаков не остановят, – состоял в том, чтобы добраться хотя бы с небольшой форой до Новой Голландии и расконсервировать тамошние кладовые, в первую очередь оружейную.

Ну а потом в родном доме и стены помогут, уж Питер Пэн знает там все щелочки и лазеечки, вплоть до потайного туннеля, уводящего далеко за пределы острова.

Лишь перебравшись через Обводный, я сообразил: шанс

добраться до Новой Голландии невелик... Банально не хватит сил. Устал, вымотался – третьи сутки подряд на ногах. Преследователи гораздо свежее. Сели они мне на хвост ранним утром после бессонной ночи (не для них, для меня – бессонной, причем и накануне поспал пару часов вполглаза).

К тому же они вполне могли иметь с собой какую-нибудь бодрящую спецхимию. Меня сейчас шприц-тюбик «Прилива-2» живо бы поставил на ноги. Молодым оленем доскакал бы я до Новой Голландии. Да где ж его взять-то, шприц-тюбик? Только в Новой Голландии... Заколдованный круг какой-то, а в центре его – отрубающийся от недосыпа и усталости Питер Пэн.

* * *

Они старательно загоняли меня в ловушку – в огромный четырехугольник, ограниченный с трех сторон Обводным каналом, реками Екатерингофкой и Фонтанкой и заполненный по большей части промзонами...

Площадь-то там большая, да только особо не побегаешь. Единственный мост через Екатерингофку разрушен под ноль, от двух мостов через Фонтанку кое-что уцелело, но на другой берег по уцелевшим обломкам не перебраться. Большинство зданий загажено «синим студнем», а на бывшем комбинате имени Степана Разина – многочисленная колония Красных мутантов, соваться туда без оружия – самоубий-

ство.

Выбор невелик: либо враги сумеют меня прижать к водной преграде, либо не сумеют, – и тогда через пару часов игры в догонялки я упаду и не встану, отрублюсь... Дальнейшее – нащупать меня биодетектором и упаковать – станет делом техники.

Ночь... Как же мне нужна была хорошая темная ночь, когда даже опытные люди шляться по Зоне не рискуют – ни фонари, ни ночная оптика не позволяют визуально засечь многие ловушки.

Но июньские дни в Питере кажутся бесконечными, длятся и длятся. До ночи – белесой и коротенькой, на два-три часа, – не дотянуть... Да еще и туман сегодня подкачал, видимость, как на грех, почти идеальная по здешним меркам, метров двести пятьдесят. Все одно к одному, и все против меня.

И я решил сыграть в поддавки... Перестал рваться вправо, в жилую застройку. Двинул по прямой к Фонтанке в максимальном темпе, что оказались способны выдать подкашивающиеся ноги.

Новый план был прост и стоял, как Ойкумена древних, на трех китах: авось, небось и как-нибудь... Авось повезет и как-нибудь переправлюсь через реку без моста... Небось найдутся какие-нибудь обломки на берегу, способные послужить подручным плавательным средством... Или вдруг кто-то подсуетился и залатал средний разрушенный пролет Старо-Калинкина моста. Мир вообще и питерская Зона в част-

ности не без добрых людей – например, через Троицкий мост на Неве, не до конца сведенный, натянута вполне приличная пешеходная переправа из тросов.

Увы... Не дошли руки добрых людей до Старо-Калинкина...

Обнаружив и осознав этот печальный факт, я вложил остаток сил в марш-бросок вдоль берега. Набережной здесь не осталось от слова «вообще». Исчезли и каменная облицовка берега, и парапет, и проезжая часть, тянувшаяся вдоль реки. Берег спускался к воде под пологим углом, был завален всякой всячиной и успел густо порости черными и перекрученными кустами-мутантами.

Способных держаться на воде обломков хватало... К сожалению, размер ни одного из них не позволял выдержать человека. Времени же на постройку самого примитивного плота не было. Погоня отставала на минуту, на две, самое большее... Плыть же, держась за какую-нибудь доску, не имело смысла. С тем же успехом можно махнуть налегке вплавь на тот берег.

Вернее, с тем же неуспехом... Воды невской дельты напичканы всевозможной опасной для жизни и здоровья гадостью, толком никем не изученной. Мы слишком мало знаем о том, кого и что можно встретить в глубине, сущности же, оказывающиеся порой у берегов и у поверхности, оптимизму в этом вопросе не способствуют...

Совсем подопрет – все же попытаюсь уйти вплавь... Но

до чего же не хочется.

Доски... Сорванная с петель дверь... Обломки мебели...
Не то, все не то.

И тут я слышу странный звук с реки... Рокочущий, нака-
тывающийся с запада. Что за...

Ага... Вот оно что... Похоже, опции «заплыв в одежде»
я тоже лишился. По Фонтанке, причем со стороны залива,
против течения, быстро катится волна жидкости неприятно-
го желтого цвета...

МПВ, будь она неладна... Вот не было печали.

* * *

Как известно, конная статуя императора, именовавшаяся
Медным Всадником, неведомо куда исчезла со своего гра-
нитного постамента. И памятник сейчас зовут Медной Гадю-
кой – из всей скульптурной композиции уцелела лишь змея.

А медные конь со всадником прочно обосновались в стал-
керском фольклоре. Многие непонятные происшествия в
Зоне не совсем всерьез списывают на происки призрачного
наездника, объезжающего по ночам улицы основанного им
города.

В частности, гидрографический феномен – обратное те-
чение непонятной желтой жидкости, случающееся изредка
в отдельных протоках и каналах невской дельты – именуют
Мочой Петра Великого, сокращенно МПВ. Наверное, изна-

начально имелась в виду моча Медного Коня, но из утвердившегося термина конь куда-то исчез...

МПВ – явление крайне редкое, неизученное и непредсказуемое. В иной год случается два-три раза, а в иной вообще не случается. Длится час-полтора и охватывает один-два водных потока в черте города, крайне редко более... В результате знают о природе и происхождении МПВ чуть меньше, чем ничего. Даже химический состав желтой жидкости, по-моему, неизвестен – по крайней мере в открытых публикациях этот вопрос не освещался.

В принципе появление МПВ весьма напоминает обратное течение во впадающих в океан реках в момент прилива... Да только в Маркизовой луже заметных без микроскопа приливов не бывает.

Илья Эбенштейн не раз просил и меня, и других скаутов Вивария взять при okazji образец «мочи» – на всякий случай, вдруг эта пакость прокатится однажды по каналам, омывающим Новую Голландию: надо бы знать, чего можно от нее ожидать... Но okazji так и не случилось, больно уж локальный и непредсказуемый феномен.

И в воду-то не хотелось лезть абсолютно, а уж в эту непонятную жидкость тем более...

Кстати, а что за территория примыкает к берегу? Не руины ли «Адмиралтейских верфей»? Уж здесь-то вполне могло бы оказаться хоть какое-то плавсредство... Модель корабля, например, размером с нормальную моторку. Я согласен даже

на простую лодку. На гребную хотя бы, не моторную, помашу уж веслами, все равно мотор едва ли заведется...

Но мои мечты о лодке – это поиски рояля в кустах, когда приспичило сбачать «Мурку». Потому что по левую руку развалины отнюдь не испытательного полигона «Верфей», а конференц-зала или чего-то в том же роде, на берегу коегде валяются стулья с откидными сиденьями, соединенные в длинные секции... Несколько таких секций, можно, наверное, связать в подобие плота, способного поднять человека... Можно, однако некогда...

И тут я вижу ЕГО.

Рояль в кустах...

Без метафор, самый натуральный концертный рояль. Белый и здоровенный. Конференц-зал, не иначе, использовался и для концертов в предпраздничные дни...

Стоял рояль наклонно на пологом берегу, метрах в трех от воды, среди черных кустиков-мутантов... Сейчас, в связи с наплывом МПВ, Фонтанка подступила к самым его ножкам.

Выглядит он абсолютно целым, словно недавно очутился на берегу... Подними крышку и играй. Но я не в том настроении, чтобы музицировать.

Что у него внутри? Металла немного, наверное, – струны, педали... мелочь... А дерево для изготовления музыкальных инструментов применяют идеально сухое... Успело ли намокнуть от дождей? Ладно, проверим...

Наваливаюсь со стороны клавиатуры, хорошенько упер-

шись в землю, – и нажимаю так, что аж в глазах потемнело.

Рояль дергается вперед, одна ножка подламывается, затем вторая... И вуаля! – на желтой неведомой жидкости покачивается белый плот, прилично выдаваясь над поверхностью. И не просто покачивается – уже норовит уплыть, унесенный потоком МПВ.

Раздумывать и прикидывать грузоподъемность музыкального парома некогда. Подхватываю доску, валявшуюся на берегу, – и прыгаю.

Подошвы скользят по белой полированной поверхности, с трудом удерживаюсь на ногах. Грузоподъемность подходящая – импровизированный плот просел, но не сильно. Пожалуй, без проблем выдержит еще одного пассажира размером и весом с Питера Пэна.

Рояль, получив немалый дополнительный импульс, еще дальше отплывает от берега. Здесь течение сильнее, и скорость тотчас же возрастает...

А вот из доски-весла движитель никудышный. Как ни налегаю на нее, толку мало. Прибыток один – полезная информация: желтая субстанция, катящая сейчас по Фонтанке, дерево, даже не покрытое толстым защитным слоем лака, растворить не пытается...

Впереди преграда: преизрядная груда железобетонных обломков сползает с берега в реку, выдается неким волноломом. Поток преграду огибает – и выносит меня на стрежень, на самую быстрину.

И тут на берегу появляются преследователи. Всего их человек восемь или девять, но они в ходе погони разбились на группы, и сейчас я вижу троих.

Винтовка у них одна, плюс у всех троих пистолеты. Но и одной винтовки с избытком хватит, чтобы поставить свинцовую точку в затянувшейся игре в кошки-мышки. Дистанция для уверенного выстрела самая подходящая, мишень из меня идеальная... Не хватает только нарисованных на белой крышке рояля концентрических кругов с цифрами от единицы до девятки. А вместо «яблочка» мишени – Питер Пэн, сидящий в самом центре.

Винтовка поднимается, ствол направлен в мою сторону.

Момент истины... Если я ошибаюсь и они все же предпочтут меня пристрелить, сейчас в организме появится пара не предусмотренных анатомией отверстий. Наверное, будет больно...

Да стреляйте уж, мать вашу! Не тяните резину!

Мою мысленную команду, похоже, слышали...

Бах! Бах! Бах!

Две пули ударяют в воду возле условного «носа» рояля, третья прямо в него... У боевых кораблей такой предупредительный огонь означает недвусмысленный приказ: «Остановить машину, лечь в дрейф!»

Даже при желании остановить ток МПВ я не смог бы. А для ответных сигналов не имею даже захудалого семафорного флажка. Поэтому отвечаю просто и по-сухопутному: де-

монстрирую согнутую в локте правую руку.

Бах! Бах! Еще две дырки появляются в белом лаковом покрытии – но в отдалении, чтоб ненароком не зацепить меня. Упорные ребята, все-таки не теряют надежду познакомиться вплотную. Ну что ж, побродите по берегу, поищите второй рояль... Вдруг да повезет.

Или можете бежать следом по берегу до уцелевшего Измайловского моста, но такой вариант хуже, скоро влетите в непроходимые места... Так что ищите второй рояль, это надежнее.

Приближаются опоры, оставшиеся от Старо-Калинкина моста, – миновав их, сразу скроюсь от взглядов и пуль «черных пантер».

Но до того на берег выскочила еще одна троица – прямо напротив меня, буквально метрах в тридцати или тридцати пяти. У этих ни одной винтовки не оказалось, длинноствола у них всего две единицы на всю банду. Палить из пистолетов вновь прибывшие не пытаются. Вижу резкий взмах руки – и в мою сторону по параболической траектории летит какой-то небольшой предмет.

Граната?

Группируюсь, готовый мгновенно сбросить ее в воду, если ненароком угодит на рояль...

Но нет, для броска все же далековато, и предмет плюхается в Фонтанку с изрядным недолетом. И действительно оказывается гранатой...

Если они рассчитывали как-то повредить мой броненосец или смахнуть меня взрывом в воду, то просчитались.

Граната глухо взрывается в глубине, осколки безвредно вязнут в толще воды и желтой жидкости, всплеск на поверхность вырывается совсем небольшой. Рояль содрогается от ударной волны – и плывет дальше.

А вот и разрушенный мост, и здесь моя доска очень кстати – отпихиваюсь ею от покореженной опоры, чтобы не зацепиться, не застрять... Готово, проскочил... Пока, ребята, надеюсь, больше не повстречаемся.

* * *

Ну, вот, отделался наконец от этих надоедливых типов... Теперь можно подумать, что же предпринять дальше.

На самом-то деле сделать мне хочется одну-единственную вещь – растянуться на лаковой поверхности и закрыть глаза. Под легкое покачивание отключусь мгновенно...

Нельзя... Потерпи, Пэн, потерпи, уговариваю сам себя.

Уснешь, тут-то антитечение МПВ и закончится – поплывешь обратно на радость «черным пантерам».

Нет, необходимо пободрствовать еще и выжать из удачно случившегося феномена все что можно...

За мостом, буквально в сотне метров, поток раздваивается: налево уходит канал Грибоедова, и меньшая часть МПВ устремляется в его русло.

Пытаюсь попасть туда и я – если донесет хотя бы до пересечения с Крюковым каналом, путь до Новой Голландии сократится вдвое. Увы, не судьба... Мое импровизированное весло вновь не способно бороться с течением и не может толком скорректировать движение – больно уж специфическое и своенравное плавательное средство я выбрал. Устье канала Грибоедова быстро проплывает мимо.

Не беда... Главное сейчас – подальше оторваться от преследователей, а уж потом в родные пенаты как-нибудь дотоплю. Лишь бы добултыхать до берега... Но я надеюсь, что наступит время равновесия двух сил – когда обратное течение уже стихнет, а прямое еще не начнется, – и тогда даже плохонькое весло поможет причалить...

В голову приходит еще одна идея: феномен МПВ может длиться и час, и полтора – вдруг повезет и успею добраться водным путем аж до Семеновского моста? Тогда убью одним выстрелом сразу двух зайцев... Или даже трех, если повезет.

Во-первых, в опоре того моста устроил себе прибежище один мой старый знакомый, кое-чем мне обязанный... Если согласится присоединиться ко мне – очень удачно получится. Один в Зоне не воин, тем более без оружия и снаряжения...

Во-вторых, там же, неподалеку от Семеновского моста, находится отель «У погибшего сталкера» – не совсем отель в классическом смысле, но прибежище для странствующих по Зоне, где можно разжиться кое-чем необходимым... Оружие

найду там едва ли, разве что вдруг обнаружатся постояльцы, отзывчивые к чужой беде и владеющие излишком стволов... Но продуктами и медикаментами разживусь в любом случае.

В-третьих, там же...

И тут я понимаю, что мое «в-третьих...» можно дальше не обдумывать. Третий заяц мне не достанется, и первых два тоже – течение начинает слабеть, ход рояля замедляется... До Семеновского моста мне не добраться. Даже до Измайловского не доберусь.

Может, оно и к лучшему... МПВ, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, ничем, кроме цвета, от обычной воды по внешним своим признакам не отличается. И моя надежда, что желтый поток распугивает всякие неприятные сущности, обычно здесь обитающие, может оказаться необоснованной. Заскочит ко мне на борт что-нибудь этакое с целью близкого знакомства... Лучше уж посуху, сил потрачу больше, но хотя бы все опасности знакомые.

Поток совсем ослаб, я беру доску, приближаюсь к краю рояля... Надо загодя начать отгребаться от негостеприимного южного берега.

Даже обмакнуть «весло» в желтую жидкость не успеваю – та внезапно раздается, и на поверхность выныривает существо с внушительной акульей пастью... Когтистые лапы вцепляются в крышку рояля.

Я инстинктивно отпрыгиваю назад – и, будь рояль поменьше размером, наверняка бы плюхнулся в МПВ.

– Ох... Дракула... Ты, брат, не появляйся другой раз так неожиданно... Чуть кондрашка не хватила.

– Привет, Пэн, – говорит существо голосом, очень мало похожим на человеческий. – Другой раз не буду... А что такое «кондрашка»?

* * *

На ловца и зверь бежит...

Вернее, в данном случае зверь приплыл, что сути дела не меняет: Дракула (с ударением на втором слоге) – именно тот мой знакомец, кого я надеялся отыскать в полуразрушенной опоре Семеновского моста...

Отчего Дракулу прозвали именно так, долго гадать не приходится: достаточно взглянуть на его феноменальные акульи челюсти – многоуровневые, многозубые – и на две пары челюстей дополнительных, глоточных (когда Дракула во всю ширь распахивает пасть, увидеть их можно)... Работает этот уникальный челюстно-лицевой аппарат тоже на загляденье: откушенный двухкилограммовый кусок сырого мяса через пару секунд отправляется в желудок уже в виде порции мелкого фарша.

Дракуле семнадцать лет, он сын сталкера, сгинувшего в черномыльской Зоне, классический мутант-«зверь». Идеально приспособлен для водного образа жизни: на ребрах жабры, кожа покрыта чешуей, между удлиненными пальца-

ми ног – перепонки. А вот легкие слабые, атрофированные, час-другой на суше Дракула проведет легко, третий – уже с затруднением, а дальше начнутся серьезные проблемы с кислородной недостаточностью...

Это существо, жутковатое на вид, но, по сути, безобидное (если вовремя получает свою порцию мяса) и полезное для науки, содержалось у нас в Виварии – и сбежало. Позже мы встретились с Дракулой в Зоне, где он вел одинокую вольную жизнь, и я ему тогда помог спастись от болезненной голодной смерти... И вот теперь наши пути вновь пересеклись.

– Как ты оказался здесь, Дракула?

– Стреляли... Взрывали... Приплыл посмотреть.

Голосок у него специфический – словно говорить каким-то чудом научилась мясорубка, перемалывающая горсть щебенки. А вид... про вид сказано достаточно.

И все же я реально рад его видеть... Устал воевать в одиночку.

* * *

К реке здесь спускается каменная лестница, и мой бесценный плавающий рояль одним концом вытасен на береговой гранит... Наверху горит костерок. Я сижу поближе к нему, ночь наступает прохладная. Дракула – чуть дальше, чтобы не сушить зря жабры. Место нашей встречи и преследователи остались далеко позади.

– Я не живу теперь под мостом, Пэн, – говорит Дракула. – Я вернулся домой и живу там. К мосту приплывал каждый вечер. Я обещал, что ты сможешь меня там найти. Я помню добро, Пэн...

Он говорит что-то еще, но я с трудом понимаю его... Что-то о том, что в Новой Голландии теперь он не один, их там несколько, беглецов из Вивария... Я засыпаю, скрежещущие слова скользят мимо сознания.

Когтистая лапа трясет меня за плечо – осторожно, чтобы не разорвать одежду и не расцарапать кожу. Понимаю, что успел уснуть и проснуться.

– Как ты попал сюда, Пэн? Почему ты один?

– Я расскажу тебе, Дракула... Но история длинная, и если я вдруг замолкну, ты не буди меня, Дракула... Доскажу потом... А началось все с того, что я очнулся в больнице... Я лежал там и был счастлив. Если бы ты знал, Дракула, как я был там счастлив...

Глава 2

Роковые женщины Питера Пэна

Палата мне досталась просторная, в новом корпусе, и даже с небольшим балконом, хотя выходить на него категорически запрещалось, а для недисциплинированных больных, желающих побаловаться там куревом, ручки с балконной двери были сняты.

Мне было наплевать, я не курил от слова «вообще», но на балкон попасть пытался – единственно из принципа, из нелюбви к любым попыткам ограничить мою свободу. Увы, даже стальные пальцы Питера Пэна не смогли как следует ухватить крохотные четырехгранные штырьки, торчавшие на месте снятых ручек. Можно, конечно, было разбить стекло, но так далеко моя любовь к свободе не простирается. Неотъемлемое право человека и гражданина свободно выходить на балконы не стоит ни сквозняка с простудой, ни перевода в другую палату...

Мне и моя нравилась, почти VIP-апартаменты, даже свой санузел в ней имелся, правда, совмещенный, и унитаз отчего-то без крышки, и разбитое зеркало третью неделю не могут заменить... Вот потому и «почти».

Давно, в период моей адаптации к здешней жизни, папа отвечал с печальным вздохом на все недоуменные и возмущенные вопросы: «Здесь твоя родина, сынок...» А я, упря-

мый сопляк, возразил, что родился я в Зоне.

Теперь он не отвечает, потому что я не спрашиваю, при-
вык.

Теоретически моя палата считалась двухместной. Но ле-
жал я в ней в гордом одиночестве. О причинах того не задумывался. Может, начальство подсуетилось и замолвило словечко. Может, мало болеют военные этим летом и травм получают мало в быту и на службе... Оттого и пустует окружной военно-клинический госпиталь.

Разумеется, не старый окружной госпиталь, что остался в Зоне, на Суворовском проспекте, тот тоже пустует, но по иным причинам. Эскулапы и гиппократы измывались над Питером Пэном в новом госпитале, развернутом на базе медицинского центра в поселке Песочный.

Одиночество мое имело свои плюсы. Никто не приставал с разговорами, не изводил рассказами из своей жизни и из своей истории болезни.

Одиночество имело свои минусы. Я отчаянно скучал.

Визор в палате имелся, но не работал. В чем состояла неисправность, я сразу «разглядел», способности аномала-электрокинетика позволяют делать это, крепко зажмурившись. Но штука в том, что я «вижу» – на расстоянии и не глазами – все внутренние процессы, происходящие в электронных и электрических приборах. Могу, опять же дистанционно, почти любую аппаратуру испортить и сжечь. Однако большинство поломок мои аномальные способности не поз-

воляют исправить. Без запасных деталей – никак...

Короче говоря, визор висел на стене на манер картины или гравюры. И развлекать меня не желал.

Ноутбук или компьютер не позволяли здешние правила.

Несколько книжек, найденных в прикроватной тумбочке, оказались вроде развлекательного жанра, но совсем не развлекали. Я их забраковал после первых прочитанных страниц: кто-то словно в издевку подложил мне стопку боевиков о приключениях в Зонах Посещения. Недоавторы недокниг не нюхали Зоны, о предмете описания понятия не имели и ввали, как сивые мерины.

Единственное развлечение – пофлиртовать с медсестрами, и не только пофлиртовать... Но днем обе мои знакомые сестрички заявлялись не часто и ненадолго, а дежурства их выпадали далеко не на каждую ночь... И все же только ради их визитов я не отказался в категорической форме от инъекций.

У меня имелось сильное подозрение, что именно здешние уколы привели Питера Пэна к тому, что руки и ноги реагировали на резкие движения тупой ноющей болью – и это не считая истерзанного иглами седалища.

В остальном я чувствовал себя физически здоровым, но эскулапы больше доверяли результатам анализов и исследований, чем моему самочувствию, и уверяли, что ни о какой выписке не может идти и речи.

Неожиданный, впервые за много лет появившийся избы-

ток свободного времени я тратил на сон. Отоспался за пару прошедших лет. И планировал отоспаться впрок, еще на несколько лет вперед.

...Сестра в то утро пришла неудачная. Не Люся – молоденькая, застенчивая, краснеющая всякий раз, когда раздевается передо мной, хотя казалось бы... И не Полина, ее сменщица, суровая нордическая женщина лет сорока, занимавшаяся со мной сексом столь же обстоятельно и сосредоточенно, как, предполагаю, занимается стиркой и готовкой.

Клава (или Клара?.. я ее плохо знал) обычно сидела за пультом дежурной сестры в конце коридора, ко мне в палату не заходила. В тот день зашла.

Ладно хоть без шприца явилась, с таблетками и стаканом воды на подносике.

– А где Полина? – поинтересовался я ненавязчиво.

– Берите лекарство, больной. Глотайте и запивайте.

– А у меня, милая барышня, фобия... – игриво произнес я. – Не беру таблетки из чужих рук, отравления опасюсь... Так где Полина?

– Дело ваше... – равнодушно сказала Клава-Клара и поставила подносик на тумбочку. – Если передумаете – глотайте, не разжевывая. А Полина Николаевна взяла на сегодня отгул.

Отгул... Вот как... А я, между прочим, мужчина. И у меня, между прочим, есть потребность разнообразить унылую больничную жизнь. А она в отгул...

Впрочем, если взглянуть на дело шире...

Я, распахнув до предела глаза, поглядел на дело шире – и понял, что Полина не такое уж разнообразие, третью неделю приходит ко мне со шприцами и пилюлями, не считая ночных дежурств... А вот Клава... Ей лет тридцать, рост средний, и бюст... тоже средний, и лицо... Бывают такие, не красавицы и не уродины, средненькие – но для разнообразия пуркуа бы и не па?

– Я передумал, – сказал быстренько, пока не ушла. – У вас очень красивые руки, и ласковые, и нежные... Готов откусать из них хоть мышьяка, запив раствором цианида.

И Питер Пэн включил на полную мощность свою знаменитую обаятельнейшую улыбку. На младший медицинский персонал женского пола она действует, как выяснилось, наподобие оружия массового поражения. Возможно, и на медбратьев с санитарями подействует, но проверить пока не тянет.

А я столько лет жил – и не знал, и не пользовался. Хотя не исключено, что тогда на лбу у меня стоял каиновой печатью штамп «Женат!» – невидимый, но хорошо ощущаемый женщинами. Теперь все печати сорваны... Путы лопнули, оковы тяжкие пали, темницы рухнули – дерзай, Питер Пэн, живи полной жизнью!

Я, скушав свою дозу медикаментов, ждал продолжения: ну не сможет Клара уйти, ничего не сказав, после такой улыбки. Не сможет, проверено.

– Жалобы есть, больной? – Она пыталась врать себе, пыталась выдержать прежний казенный тон, но я-то знал, что творилось под ее прилизанной прической, знал, как взмокли ее ладошки... и не только ладошки... Она очень не хотела уходить, но не могла с лету придумать достойный предлог и задала вопрос, который полагалось задавать никак не ей, а врачу на утреннем обходе.

– Жалобы? – переспросил я. – Есть... Боль какая-то непонятная завелась, то стихнет, то снова... вот здесь... нет, даже, пожалуй, вот здесь...

Одновременно со словами взял Клару аккуратно за запястье, приложил себе куда-то в район аппендикса ее ладошку, потом сдвинул... Готово дело, птичка в силках.

Пустил в ход другую руку (а они у меня длинные), чтобы притянуть Клаву, между делом обнаружив, что под коротким халатиком у нее надеты лишь стринги, а попка очень даже не средняя, вполне зачетная...

Бац!

Ее ладонь впечаталась мне в щеку.

Твердая ладонь и сухая, ничуть не взмокшая, даже странно...

Я был ошарашен, ничего не понимал. Игра под названием «Я не такая, что вы себе позволяете?!» заводит и возбуждает, но тут какой-то перебор...

– Руки прочь, дебил!!! – издала Клара негромкую, но яростную смесь крика и змеиного шипения.

До меня начало доходить, но руки пока оставались на прежних позициях... Она попыталась освободить запястье, однако хватка у Питера Пэна железная.

Бац!

Теперь пострадала вторая моя щека, для симметрии.

До меня дошло окончательно... Клара-Клава стремглав выскочила из палаты.

Ничего не понимаю... Всегда срабатывало, а тут вдруг...

Лесбиянка... Или фригидная.

«Сеанс разнообразия откладывается до завтра... Заступит Люся на ночное, и уж с ней-то зажжем», – подумал я.

Ошибся во всем...

* * *

От горького разочарования решил поспать часика три, все равно до обеда заняться нечем.

Спал не крепко и проснулся от ворвавшейся в сон негромкой барабанной дробы. Открыл глаза и поначалу подумал, что сон продолжается: за балконной дверью маячила зампомед Вивария, она же подполковник медицинской службы, она же доктор медицинских наук, она же светило гипнологии... Короче говоря, Авдотья фон Лихтенгаузен. Светило щеголяло в камуфляжной полевой форме (лишь эмблема Вивария зачем-то спорота с рукава и заменена другой, мне неизвестной) и занималось тем, что выбивало пальцами

дробь по стеклу.

Что за чудное виденье?

Припомнил, что квартира у нее вроде бы действительно здесь, в Песочном, – именно от госпиталя ее к нам прикомандировали. Но этот факт совсем не отвечает на вопросы: с какой целью и как она очутилась на балконе? Мимо спящего меня проскользнуть не могла, а балконная дверь так и остается запертой. Да и сплю я чутко.

Я встал, приоткрыл вертикальную фрамугу, единственное, что здесь можно открыть, – но устроена она была так, что щель приоткрывалась сантиметра на четыре, не более. Что-нибудь существенное не просунешь, но поговорить можно.

– Странная у тебя манера посещения больных, Авдотья... Ты в юности скалолазанием занималась или промышленным альпинизмом?

Она поднесла палец к губам. Сказала негромко:

– Тише! Открывай, пока не засекли.

– Не открыть... – пожаловался я. – Все ручки с рамы и с балконной двери снимали, ироды, хоть в «Спортлото» жалобу пиши...

– Сейчас придумаем что-нибудь...

За плечами у нее висел небольшой рюкзак. Сняла, покопалась, извлекла небольшой предмет и просунула его в щель фрамуги.

– Попробуй этим.

Предмет оказался многофункциональным складным инструментом, именуемым обычно «нож-плоскогубцы», хотя имелись там и отвертки разных видов, и напильничек, и пинцет, и еще куча полезных и не очень приспособлений...

Четырехгранные штырьки поддались инструменту с трудом, но все же повернулись. Авдотья вошла в палату.

– Присаживайся, – кивнул я на пустующую койку, стульев в палате не было. – Присаживайся и рассказывай, отчего решила податься в форточницы. Что стряслось?

Авдотья рассказывать не спешила, сидела, уставившись на меня странным взглядом, задумчивым, словно пыталась что-то понять... Потом заговорила:

– Ты совсем ничего не помнишь?

– Ну, как тебе сказать... Частично... Таблицу умножения вроде бы не позабыл. А вот дата основания Рима из головы вылетела, уж извини.

– Как сюда попал – не помнишь?

– Трудно, знаешь ли, помнить, как ездил на «Скорой» в отключке... Врачи говорят – повезло. Илона быстро сообщила, что со мной стряслось, и машина быстро доехала...

– Илона... – вовсе уж непонятым тоном протянула Авдотья. – Значит, тебя «Скорая» из нашего офиса забирала...

– Не повезло... Прихватило бы в Виварии – ты бы меня быстрее выходила, чем здешние коновалы... Перевезли в Тосненскую райбольницу, те сюда отфутболили... Сам-то ничего не помню, Натали рассказала.

– Понятненько... И какой же диагноз поставили?

– Что-то мудреное, я не запомнил... Вон там написано, почитай. – Я показал на табличку, висевшую на спинке кровати.

Авдотья табличкой не заинтересовалась, спросила о другом:

– А улица Садовая тебе ни о чем не говорит? Ничего не напоминает?

– Садовая? Ну, есть такая здесь, в Песочном. Где-то во-о-он там, где дорога на Сертолово. В Зоне тоже есть, и даже прилично сохранилась для Зоны. Вообще-то это популярное название, вроде бы в поселке Металлострой имеется такая, не помню точно.

– Не помнишь точно... – с непонятной интонацией повторила за мной Авдотья. – А что Натали рассказывает? О том, как все с тобой началось? Ее к тебе пускают?

– Была пару раз... – неохотно сказал я. – Что рассказывает, что рассказывает... Дескать, только вошел в приемную Эйнштейна – вдруг захрипел и упал, головой о край стола приложился.

Говорить о жене не хотелось, и я резко сменил тон:

– Очнулся – гипс, закрытый перелом. А в гипсе, ты не поверишь... – Я округлил глаза и закончил таинственным шепотом: – Золото и брильянты!

Авдотья любила похохмить и такие подачи подхватывала с полуслова. Но сейчас осталась мрачна и серьезна.

И я, кажется, понял причину. Не сразу, поначалу протормозил, но разглядел: звездочек-то на погонах столько же, да размером они поменьше... И просвет всего один.

Вот это да... Что же стряслось в Виварии за две недели моего отсутствия, что Авдотью разжаловали аж на четыре ступени?

На мои изумленные вопросы она пренебрежительно махнула рукой.

– Не бери в голову... Так надо. Никто меня не разжаловал. Конспирация.

Ну да, ну да... конспирация... У жаб вонючие секреты и тайны плодятся сами собой. Размножаются делением, как амебы.

Неразжалованная спросила прежним заинтересованным тоном:

– А другие посетители бывают? Наши, из Вивария?

– Ты вскарабкалась на балкон и разбудила меня, чтобы устроить допрос? – парировал я, устав от непонятного разговора. – Говори, что хочешь сказать, хватит ходить кругами.

– Скажу. Чуть позже и не здесь. Надо срочно и незаметно свалить отсюда.

– Из палаты?

– Из госпиталя. Петенька, все очень серьезно. Вопрос жизни и смерти. Ты знаешь, я никогда не шутила такими вещами. И сейчас не шучу.

Не шутит, понял я. Надо идти. Сколько бы лишних инъ-

екций ни вкатили потом за нарушение больничного режима – надо.

– Надеюсь, ты подогнала машину к самому входу? – спросил я. – Не очень хочется рассекать по улице в пижаме.

– Все продумано. – Она распахнула свой рюкзак, начала извлекать новенькую, в упаковках, одежду. – Переодевайся, размер вроде твой.

– Может, выйдешь?

– Никак нельзя... Потом объясню, сейчас поверь уж на слово. Не стесняйся, я в первую очередь врач...

«Кто-кто, простите, здесь стесняется? Питер Пэн? И чего стесняется – своего атлетичного накачанного тела?! Да я за твою семью переживаю – насмотришься и отлучишь от ложа супруга-задохлика...» – с такими мыслями я начал стягивать пижаму. Невзначай сделал неудачное движение, поморщился.

– Что с тобой? – мгновенно насторожилась Авдотья, заметив мою мимику.

– Что-то с плечевыми суставами... И коленные тоже не в лучшей форме.

– Странно... Ну-ка, что они тебе кололи?.. – пробормотала Авдотья, изучая карандашные записи на табличке. – Садисты... Ничего, сейчас все исправим, станешь как малосольный огурчик. Ложитесь на живот, больной!

Она достала из рюкзака плоский кожаный футляр с металлической монограммой в углу.

– А в руку нельзя? – тоскливо спросил я, некстати как раз стянувший пижамные штаны.

– Нельзя, – безжалостно отрезала Авдотья, выбирая нужный шприц-тюбик из хранящихся в футляре.

«Все доктора садисты... – подумал я. – Хоть с ними виски двадцатилетней выдержки пей, хоть спирт глуши медицинский – все равно садисты...»

...Садистка она была или нет, но с глазомером госпожа подполковник явно не дружила. Покупая мне все на глазок, дала маху. Джинсы пришлись впору, но рубашка с трудом застегнулась на моей могучей груди, ветровка же – не иначе как прикупленная в сети «Три толстяка» – напротив, болталась как на вешалке, и рукава ее пришлось подвернуть. Но все же лучше, чем в пижаме.

С обувью дело обстояло еще печальнее. Размер вроде и подходил, но у меня очень высокий подъем стопы, и натянуть летние туфли ни в какую не получалось. Пришлось испортить, распоров сверху кожу почти до носка. Кое-как натянулись.

– Готов к труду и обороне, – сказал я, шагнув к выходу.

– Не в дверь, – остановила меня Авдотья. – Уйдем через балкон.

– А что с дверью-то не так?

– Ты не пробовал сегодня выглянуть в коридор? Или вчера?

– Да как-то незачем было... Душ и сортир у меня свои.

– Тебя без особого шума взяли под домашний арест. Вернее, под больничный. Если не брать в расчет штатную охрану госпиталя, то в коридоре сидят и бдят аж трое в штатском, но с удостоверениями. Плюс еще один на лестнице и двое на главном входе. Плюс видеочамера – единственная на весь коридор и нацеленная ровнехонько на твою дверь.

Камера для Питера Пэна не проблема... Но для рукопашной сразу с тремя я немного не в форме. И даже с одним противником исход спарринга будет под вопросом. Пришлось согласиться.

– Ладно, балкон так балкон. У тебя парашют? Или дельтаплан? – поинтересовался я, посмотрев вниз; вид с седьмого этажа открывался замечательный.

– Нет, у меня одноклассник по МОЛМИ работает здесь начмедом.

– На нем и полетим, как на Карлсоне?

– Смешно... Летать не надо. Перейдем по балкону в соседнюю палату, пустую, там наденем халаты. Через... – Авдотья взглянула на часы – ... семь минут в коридоре включают бактерицидки, плановая дезинфекция. Друзья в штатском отступят в ординаторскую, оттуда твоя дверь еще видна, а соседняя уже нет, я проверила. Останется только камера, но ты, надеюсь, с ней разберешься? Только так, чтобы не сгорела, – это сразу врубит общую тревогу, они хорошо понимают, кого сторожат.

– Говно вопрос, – успокоил я. С Авдотьей можно не слиш-

ком стесняться в выражениях, она сама может словцо и покрепче употребить.

– Потом выйдем – и спокойненько, не суетясь, к боковому выходу, пожарному, ключ от него у меня. На улице халаты снимем, а ты натянешь вот эту кепку, козырьком лицо прикроешь на всякий случай. Вопросы имеются?

У меня имелись вопросы. У меня, черт возьми, имелось множество вопросов. Но я подозревал, что ответы Авдотьи не принесут ясности, лишь породят новые вопросы, и решил повременить. Больно уж резкий кульбит произошел: перутомился человек на своей собачьей работе, лежит в больничке, здоровье поправляет, все тихо и мирно, солнышко светит, птички за окном щебечут, – крибле-крабле-бумц! – и ты уже персонаж дурного шпионского боевика...

Я не стал ничего спрашивать. Перелез вслед за госпожой подполковницей через ограждение балкона, думая: «И почему я вопреки родительским советам не пошел учиться на адвоката? Отец был бы счастлив...»

* * *

Кадры мало отличались сюжетом... Лишь поза центрального персонажа чуть менялась, но лицом к снимавшему он так и не повернулся.

На снимках какой-то невысокий, но весьма плечистый человек стоял на коленях рядом с окровавленным телом,

небольшим, словно бы детским, но в Зоне дети выживают так редко, что скорее всего в луже своей крови лежал мутант субтильного сложения.

– Ты уверена, что персонаж этого комикса именно Питер Пэн, а? – спросил я, просмотрев все шесть снимков. – Форма не наша, не та, что в Виварии носят. Нашивок тоже не видно. Фигура похожа, но мало ли людей с такими фигурами? Даже волос не видно, спрятаны под шлемом...

Я говорил первое, что приходило в голову, потому что раздумывал вовсе не над фотографиями, а над тем, что делать с Авдотьей...

Она ведь не соврала там, в госпитале: дело и впрямь крайне серьезное. Пока еще не вопрос жизни и смерти, хотя кто знает, до чего дойдет.

Зампомед съехала с катушек, и это в лучшем случае. В худшем – она работает на структуру, далекую от Минобороны РФ, да и вообще от России далекую. И затеяла непонятную провокацию с непонятными целями.

Но я всегда был расположен к Авдотье... И оттого склонялся к первому варианту.

Мания преследования еще полбеды, хотя наверняка никто в госпитале меня не сторожил и никто ни за кем не следил...

Тем не менее живет теперь Авдотья не в своей законной квартире, а в съемной, арендованной на чужую фамилию, – дома, видите ли, опасно. Всемирный заговор против доктора

военно-медицинских наук Лихтенгаузен А. Б. (ее отчество я так и не вспомнил, но для торжественных случаев пусть будет Авдотьей Батьковной).

Хуже того, там тоже стало опасно – два дня у подъезда маячила подозрительная черная «Тойота» с затонированными стеклами, никому из тамошних жильцов не принадлежащая. И Авдотья двинула в бега (через окно, Карл, через окно!) и теперь окончательно «залегла на дно», окопалась в пустующем гараже какого-то своего знакомого... Именно там после авантюры с балконом госпиталя продолжилась наша беседа.

Ходит ли она на службу в Виварий, я не стал даже спрашивать.

Для полноты картины, для законченного образа параноика г-же подполковнице не хватает только металлического шлема, как у Эйнштейна. Или хотя бы шапочки из фольги.

В общем, масштабный эксперимент: сколько человек может безвылазно и без последствий прожить в Зоне? – поставленный Авдотьей на себе, завершен. Прожить может долго, почти два года. Но последствия появятся... Уже появились. Вот они, последствия. Во всей красе.

И если б это все... Авдотья на жесточайшей мании преследования не остановилась.

Она умудрилась обзавестись второй навязчивой идеей: якобы в Зоне и вокруг нее произошло множество событий, в которых самым активным образом участвовал небезызвест-

ный Питер Пэн, и завершилось все грандиозной бойней на улице Садовой. Она даже не поленилась слепить «доказательства» в фотошопе...

Известный факт: в одиночку сходить с ума скучновато. И сдвинувшиеся на какой-то идее граждане всеми силами стараются разносить заразу по умам... Иногда добиваются поразительных успехов. Первой жертвой г-жи Лихтенгаузен, так уж сошлись звезды (или так постановили тараканы в ее голове на общем собрании), избран Питер Пэн.

Ясно, что поставить извилины Авдотьи на место должны были специалисты, профессионалы-психиатры. Ее же коллеги...

Однако отдавать в лапы военных мозговедов давнюю соратницу казалось подставой. Я был немного знаком с методами ихней братии... К тому же если даже полностью и без следа вытравят тараканов в ее голове, черная метка в личном деле останется на всю жизнь. Авдотья же останется на всю жизнь подполковником в лучшем случае... А я ей симпатизирую, к тому же очень любопытно: полагается или нет нашивать генеральские лампасы на форменную юбку генеральши от медицины?

Короче говоря, вивисекторы от психиатрии отпадают.

А не связаться ли мне с Эйнштейном? Он начальник, пусть он и решает. Наверняка ведь сейчас стоит на ушах из-за бесследного исчезновения зампомеда филиала... А она тут в гараже окопалась и Питера Пэна в свою секту вербует.

Второй вариант: попросить о помощи суггестора-аномала, например...

– Ладно, проехали, – прервала Авдотья мои невеселые размышления, не позволив закончить мысль. – Попробую иначе. Познакомлю тебя с одним биологическим экспонатом.

Она удалилась в дальний угол гаража, почти не освещенный, и что-то там делала, позвякивая стеклом. А я стал размышлять над проблемой: как бы исхитриться и выцыганить у нее мобильник, а потом отлучиться на пару минут? Номер Эйнштейна я знал наизусть.

Гараж по летнему времени пустовал.

По словам Авдотьи, хозяин-пенсионер с мая по октябрь проживал на даче, там же и держал свою машину-развалюху. Нельзя сказать, что г-жа полковница устроилась с комфортом, но минимум, необходимый для жизни, имелся: раскладушка, складной столик с парой складных стульев, электроплитка, биотуалет...

Все новенькое, с иголки. Покупала после поспешного бегства от ужасной черной «Тойоты» – безобидной недавней покупки обитателя соседнего подъезда? Или заранее подготовила запасную берлогу? Не важно... Интересно, а где сейчас ее муж, г-н Пряхин? Знает ли об охоте зловещей мировой закулисы на законную супругу?

Продовольствия здесь хватало: возле плитки высился штабелек вакуум-упаковок и консервных банок. Наверняка

где-то имелся и запасец спиртного – Авдотья у нас не дура выпить бокал-другой хорошего коньяка после окончания рабочего дня, а в конце недели может и удвоить дозу. В общем, не тот человек, чтоб дать себе засохнуть.

Конечно, если бы подполковницу в самом деле искали агенты закулисы, нашли бы быстро: прошерстить всех ее знакомых не бином Ньютона. Но поскольку никто не ищет, можно прятаться долго. До октября.

Из угла послышался довольный голос Авдотьи:

– Погляди-ка, Семен Егорыч тут заначку коньячную хранит...

Я ничуть не удивился. Г-жа Лихтенгаузен не аномал-«химик», но нюх на выпивку имеет незаурядный... По крайней мере заначки с вискарем в моем кабинете отыскивала безошибочно, если поставка ее коньяка с Большой земли отчего-то запаздывала.

Вернувшись к столику Авдотья держала в руках стеклянную банку... нет, ошибся, не банку – пластиковый контейнер с герметичной крышкой, в таких из Зоны доставляют образцы грунта, воздуха, воды, а также субстанций, за пределами Зоны не встречающихся...

На дне контейнера что-то лежало, но я не сразу разглядел что.

– Держи, посмотри внимательно. Может, что вспомнится.

Ну, посмотрел... Фу-у-у... В контейнере лежали глаза, залитые прозрачной жидкостью. Ладно хоть не человеческие,

определить видовую принадлежность прежнего владельца этих гляделок я бы затруднился.

Авдотья, избавившись от контейнера, вынула из кармана непечатую бутылку коньяка, поставила на столик. Посоветовала:

– Поближе поднеси, рассмотри как следует, в зрачки загляни...

Да что там разглядывать... Какого именно мутанта Зоны она использовала в качестве донора, мне плевать. Все равно не спец в квазиживотных...

Но с психами спорить себе дороже, я послушно поднес емкость к лицу. Глаза были неприятные, желтоватого цвета, а зрачки... зрачки в их обыденном понимании отсутствовали. Либо наоборот, каждое глазное яблоко целиком – а были они немаленькие, с антоновку размером – состояло из множества крохотных радужек с крохотными зрачками на манер фасеточных глаз насекомых...

Я всмотрелся в немигающий мертвый глаз, ближний ко мне... И лучше бы этого не делал. Обычно выражение «давящий взгляд» используют как фигуру речи, но здесь и сейчас оно было уместно в самом буквальном смысле. Я чувствовал болезненное давление на виски, усиливающееся с каждым мгновением.

Неужели в этой пакости еще теплится какое-то подобие псевдожизни? И глаз меня гипнотизирует?

Авдотья решила помочь моему исследованию – включи-

ла фонарик, направила на контейнер дополнительный поток света. Спасибо, конечно, но я бы и так обошелся...

И показалось – или не показалось? – что крохотные зрочки сократились еще сильнее, превратившись в совсем уж точки. А еще показалось, что голова Питера Пэна стала маленькой, едва заметной – и каким-то неведомым образом попала в схлопывающуюся дырочку зрочка и вот-вот лопнет, не выдержав давления.

Надо было оторвать взгляд, разрушить возникший контакт – не получалось. Я оцепенел, уставившись в одну точку. Но периферийным зрением видел, как Авдотья внимательно наблюдает за мной – сквозь слой жидкости и два слоя пластика ее вполне миловидное лицо казалось рожей какого-то монстра...

Мертвый (мертвый ли?) глаз первым прекратил игру в гляделки. Зрочки закрылись окончательно, а наваждение ушло, развеялось. Невидимые тиски, сдавившие мою голову, исчезли.

– Нафиг, нафиг такие экспонаты... – сказал я, отставляя емкость подальше. – В закрытом фонде их храни, где живых людей не бывает.

– Бог с ним, с экспонатом... Давай-ка, Петенька, лучше выпьем по сто грамм. Для активизации мозговой деятельности.

На столе успели появиться – я, засмотревшись на мутировавшие глазнапы, даже не заметил когда – два пластико-

вых одноразовых стакана. И оба были уже налиты. На тарелке, тоже одноразовой, лежал лимон, порезанный на дольки и присыпанный сахаром.

Пить с Авдотьей я немного опасался... Хотел отказаться, но вспомнил пару историй из криминальных хроник, начавшихся с отказа выпить, а закончившихся в городском морге... Мне-то она ничего не сделает – за нее боязно. Для человека с психическими проблемами такая малость часто выступает как спусковой крючок или чека гранаты...

– Кто ж откажется выпить с такой красивой женщиной в такой романтической обстановке? – гусарским тоном произнес я.

И тут же, без паузы, привел в исполнение недавно придуманный план:

– Только дай сначала телефон на минуточку, а? Натали собиралась в госпиталь сегодня заскочить, предупрежу, чтобы попозже, ближе к вечеру подъехала.

На мою ложь Авдотья ответила зеркально и симметрично:

– Извини, не получится... Впопыхах без зарядки сюда съехала, батарея разрядилась.

Ну, кому врешь-то? Кому?! А то я не «вижу» своим аномальным зрением, что телефон у тебя в кармане и заряжен чуть ли не под завязку?

Уличать ее я не стал... Потому что в голову пришла другая идея... И красивая, черт возьми, идея!

– За что пьем? – спросила фрау фон Лихтенгаузен.

Плебейского вида стакан она держала этак светски, оттопырив мизинец, – на общем фоне захудалого гаража смотрелось это сюрреалистично.

– За то, чтобы ты побыстрее стала полковником! – провозгласил я, мысленно добавив: «А до того чтобы полностью излечилась, и без тебя переизбыток идиотов с большими звездами на погонах».

– Хороший тост... – сказала она, но отчего-то с печальным вздохом.

Выпили. Я опрокинул стаканчик залпом, Авдотья чуть обмакнула губы, она всегда пьет коньяк гурманствуя, наслаждаясь процессом. Но тут же наполнила мою опустевшую тару. Уточнила:

– Значит, сегодня Натали придет?

– Скорее всего... Если близнецы чем-то неординарным не порадуют... – на всякий случай подготовил я дорожку к отступлению.

– Близнецы... Скажи, а ты хорошо помнишь прошлые визиты Натали в госпиталь? Во всех подробностях? О девочках она тебе рассказывала?

Она ждала ответа, катая стаканчик между ладоней и внимательно всматриваясь в мое лицо.

– Да как тебе сказать... Скажу прямо: между первой и второй долгих разговоров не ведут, на них после третьей пробивает... Вздрогнули?

На самом деле я несколько смутно помнил встречи с же-

ной – примерно так помнятся сны, – очевидно, последствия приступа к тому времени рассосались не до конца. Однако не хотел я говорить о Натали по другой причине. Дело в том, что у нас с супругой произошел серьезный конфликт незадолго до моего попадания в госпиталь... Сам виноват, по большому счету: взревновал, как последний идиот, высмотрел невесть что в игре света и теней, падавших из окна оранжереи... В общем, мы разбежались, но, узнав о моем приступе, Наталья меня навещала, как-никак отец двух общих дочерей... Держалась... прямо скажем, не как с любимым мужем... и конфликт еще предстоит улаживать. Но чуть позже, поживу еще немного вольной жизнью, нагуляюсь, а уж потом – семь бед, один ответ – начну зарабатывать прощение.

Но сейчас муссировать семейную тему не хотелось абсолютно.

Лучше я попытаюсь реализовать свою блестящую идею... Вот какую: отключу сейчас на Авдотьином мобильнике звук и вибро, да и позвоню Эйнштейну прямо из ее кармана! Для Питера Пэна плевое дело – не касаясь клавиш, заставить мобильник сгенерировать нужный вызов.

Затем спровоцирую Авдотью на новый тур бреда о преследователях, ей угрожающих... Буду говорить погромче, а г-жа подполковница и без того чеканит слова, как на плацу командует, – босс все услышит и все поймет. Ну а дальше дело техники: локализовать звонок, прислать спецтранспорт... Надеюсь, у Эйнштейна хватит ума послать наших санитаров,

из Вивария. Хватит, конечно же, не захочет он выметать сор из коттеджа...

Попытался вновь проникнуть в схему телефона... И не смог. Что за... Сжечь мобильник, взорвать ему батарею мог сейчас легко, а вот тонкая кропотливая работа не получилась...

Я с изумлением понял, что напиток почти мгновенно подействовал на мой измотанный уколами организм. Мысли в голове потекли лениво и плавно, мышцы наливались блаженной истомой.

– Что это за конь... коньяк? – спросил я.

Язык запнулся на простой фразе. Только сейчас я заподозрил, что дело нечисто...

– Дагестанский, пять звезд. Самый пенсионерский напиток, бюджетный...

Бюджетный... Мы с ней такие не пьем, вкус не знаком. Левую примесь и не почувствуешь, решишь, что так и надо...

Я говорил медленно, тихо, запинаясь:

– К-как... К-как в-во...

Хотел сказать: как-то очень вовремя ты его отыскала... Хотел, но не получилось.

– Не пойму, о чем ты... Ладно, теперь не важно.

Я ничего не ответил. Гараж – вместе со всем, что в нем есть, – качался перед глазами, словно каюта в восьмибалльный шторм. Нет, в двенадцатибалльный...

Попытался схватить бутылку с мотающегося туда-обратно

столика – и промахнулся мимо нее. И во второй раз – промахнулся.

– Что-о-о-о-о с то-о-о-бо-о-ой, Пе-е-е-е-тя-а-а-а? – спросила Авдотья с волчьей усмешкой, она невероятно растягивала звуки, а ее голос гремел в ушах иерихонской трубой.

Я сделал последнюю попытку зацепить бутылку и использовать как оружие, врезать гадине по черепу... И – очередное фиаско. Гараж окончательно встал дыбом, затем перевернулся. Пол оказался вдруг потолком – и упал сверху на меня, безжалостно раздавив голову. Все исчезло.

Глава 3

Беспощадная правда Авдотьи Лихтенгаузен

Мы вновь сидели в гараже, вновь за складным столиком, но в щелку над воротами сочился свет уже следующего дня.

Минувшие часы напрочь исчезли из моей памяти. Взаменя обрел воспоминания куда большего объема – залежи, завалы, Гималайские горы информации, до того словно ластиком стертые из мозга. Целенаправленно кем-то стертые...

Методику восстановления Авдотья применила варварскую, противоречащую клятве Гиппократата и медицинской этике: введение в наркотический транс без согласия пациента с последующим сеансом регрессивного гипноза.

До сих пор я свято верил, что такие штучки на меня не подействуют... Но, как выяснилось, сильно недооценивал Авдотью.

Методика подействовала. Я вспомнил все...

И лучше бы не вспоминал...

Понятное дело, осознать разом, мгновенно весь этот информационный Эверест невозможно. Мой мысленный взор высвечивал, как прожектором, то один позабытый эпизод, то другой, прочие же пока оставались за кадром.

Процесс хронологии не подчинялся, воспоминания цеп-

лялись одно за другое прихотливо и произвольно, благодаря случайным ассоциациям.

Примерно так: взгляд падает на контейнер, стоящий на столе... глаза... это глаза Жужи... не уберег, не уберег ее в мясорубке на Садовой... мне надо достойно похоронить хотя бы эти глаза, пусть удавятся гниды из НИИ Менгеле и гнида Леденец тоже... нет, нет, Леденец не удавится, ведь я застрелил Леденца и отчего-то не жалею... я отдал бы сто, тысячу, миллион таких Леденцов за мою Жужу... она стала мне дочерью и стала бы любимой сестрой близняшкам...

БЛИЗНЯШКИ! МАТЬ ТВОЮ!

Я вскакиваю. А столик падает. Со всем, что на нем лежало.

Потом в ограниченном пространстве гаража начинается тайфун пополам с землетрясением.

* * *

По щекам что-то течет. Кровь? Пот? Слезы? Не понять. Хочу поднять руку. Проверить. Не могу.

Рука передо мной. Лежит ладонью вверх. Не слушается.

Шприц. Поршень медленно ползет. Выдавливает что-то в меня. Не знаю что. Плевать.

Текущее по щеке дошло до губы. Пробую языком. Соленое. Значит, кровь. Или пот. Или слезы. Они все соленые... Не задумывался. Смешно.

Смеюсь. Звуки странные. Или это не я? Или не смеюсь?
Плевать.

Шприц исчезает. Сам по себе. И появился сам. Чудеса.
Женщина. Смутно знакома. Губы шевелятся. Не слышу.
Потом слышу. Не понимаю. В звуках нет смысла. Плевать.
Тошнит. Не сдерживаюсь. Падаю. Лицом вперед.
Быстро темнеет. Хочу спать. Засыпаю. Надеюсь не
проснуться.

Близнецы... Маришка... Анюта... Обнимите скорей. Па-
па вас любит, любит, лю...

* * *

Близнецы меня обнять не могли... Потому что их похи-
тил ублюдок по прозвищу Плащ – и тем заработал смертный
приговор у Питера Пэна.

А до того имело место нападение на нашу базу в Новой
Голландии, натуральный штурм, предпринятый двумя груп-
пами наемников, прибывшими из-за океана, из Хармонта.
Причем прибыли они любопытно: посредством явления, на-
званного нами Лоскутом. Лоскут непонятным образом пе-
реносил сюда, в Питер, какую-то часть хармонтской Зоны –
в наших декорациях вдруг объявились тамошние ловушки,
артефакты и аномалии... Заодно объявился отряд воору-
женных наемников.

Штурм, как выяснилось из допроса пленного, имел це-

лью захват «попрыгунчиков» «Джона» и «Джека» – уникальных артефактов, привезенных из Хармонта и находившихся в секретном (даже от меня!) хранилище артефактов на Новой Голландии.

Нападение отбили при активном участии моей супруги (тогда еще и моей, и супруги) Натальи Пановой, ввязавшейся в ментальную схватку с суггестором, управлявшим наемниками-«зомби». Схватка закончилась вничью, что позволило охране Вивария перестрелять большую часть нападавших.

Но то было лишь начало...

В результате воздействия Лоскутов и интерференции двух Зон безопасный островок Новой Голландии стремительно начал превращаться в нечто противоположное – Зона со всеми ее аномалиями и ловушками стремительно напоззала на базу... Была объявлена эвакуация.

И пока я, срочно вызванный из-за Периметра для участия в данном мероприятии, катил в Виварий, мой непосредственный начальник и близкий друг Илья Эбенштейн активно наставлял мне рога с моей женой. Не в супружеской спальне, а в оранжерее – как выяснилось, эта застекленная пристройка к нашему дому годилась не только для цветоческих утех Натальи, для других тоже... Многофункциональное помещение.

На их беду, до Новой Голландии я не доехал. Вернулся с полдороги и застал сладкую парочку в самый разгар случки. Что произошло потом, стыдно вспомнить... И я не буду

вспоминать. Почудил в тот вечер и в ту ночь Питер Пэн... Покуролесил.

А пока я куролесил в Тосно, банда аномалов во главе с упомянутым ублюдком Плащом заявила в наш уединенный сельский дом в Надино, где под плотной охраной службы безопасности ЦАЯ таилась от мира наша семья. Таиться имелись причины: наши дочери-близнецы Марина и Аня вырастали в чрезвычайно сильных аномалов. Удивляться тому не стоило – девчонки стали аномалками в третьем поколении, причем по обеим линиям, и по материнской, и по отцовской (в третьем – если считать первым поколением сталкеров, чьи гены изменились под воздействием Зоны). Марише и Ане исполнилось всего по десять лет, но их детские, толком не развитые способности заставляли меня хвататься за голову, а я и сам аномал, и много лет с ними работаю... Когда близняшки действуют в тандеме, усиливая и дополняя способности друг друга (а иначе они не действуют никогда), – с ними не потягается ни один аномал из мне известных.

Ублюдок Плащ тоже, наверное, не смог бы потягаться, хотя он и сам один из сильнейших аномалов нашего времени, и команду подобрал себе под стать. Он и не стал тягаться, нашел другой способ получить свое...

Опуская подробности, закончилось вот чем: компания Плаща явилась в Надино, мощнейшей ментальной атакой вывела из строя многочисленную охрану службы безопасности и удалилась вместе с моими девчонками. Наталья, пы-

тавшаяся воспрепятствовать похищению, была отправлена в ментальный нокаут с почти игривой небрежностью.

Когда я, толком не очухавшись от ночного загула, примчался в Надино, на связь со мной вышел Плащ и поставил такие условия: девочки будут отпущены в обмен на «попрыгунчики», на «Джона» и «Джека». Сделка, разумеется, предлагалась приватная, без участия СБ ЦАЯ.

Поколебавшись, я принял условия. После того как служба безопасности жидко обгадилась в Надино, остатки доверия к ней испарились у меня окончательно. В конце концов, именно я доставил «попрыгунчики» в Россию из Хармонта. У ЦАЯ, разумеется, имелось свое мнение о том, кому теперь принадлежат артефакты, однако когда на кону жизнь и судьба дочерей, Питер Пэн не обращает внимания на формальности.

Изымать «попрыгунчики» я отправился в компании отца, сталкера Максима Панова, и Андрея с Леной – четы аномалов, занимавшихся домашним обучением Маришки и Ани. По счастью, рейд в Новую Голландию прошел бескровно, никто всерьез не пострадал, кроме двух громадных броневых дверей: одна прикрывала непосредственно хранилище, другая – вход в туннель, выводивший далеко за пределы острова.

О существовании туннеля нам поведал сам начальник Вивария Илья Эбенштейн по прозвищу Эйнштейн. Он явился на переговоры, когда мы, захватив «попрыгунчики», раз-

мышляли, как пробиться с ними из хранилища. А охрана, хранилище обложившая, размышляла, как будет нас оттуда выкуривать. По ходу переговоров мне очень хотелось пристрелить Эйнштейна, но я кое-как сдержался. В результате наша группа убралась с острова по туннелю, а на выходе из него получила пополнение: Наталью-Горгону (женой я ее больше не считал, но отказать в праве отправиться за нашими дочерьми не смог) и Леденца, командира сталкеров Вивария, нанятого Горгоной в качестве весьма высокооплачиваемого наемника.

Третьей присоединившейся стала Жужа, восьмилетняя «дикая» аномалка Зоны. По части аномальных способностей эта девчонка если и уступала моим дочерям, то по меньшей мере играла с ними в одной лиге...

Местом для встречи и обмена Плащ выбрал Садовую улицу возле Апраксина двора, почти в самом центре Зоны.

На пути туда с нашей «великолепной семеркой» происходили самые разные приключения, в частности, мне довелось побывать в легендарном здании-призраке, в Красном Замке, и свести знакомство с его обитателями, в частности с мутантом по прозвищу Безумный Шляпник – именно под его своеобразной опекой Жужа стала тем, кем стала.

По дороге мы с Жужей не просто сдружились – сроднились, и под конец я начал считать Жужу третьей своей дочкой.

Потом был обмен... Представителем Плаща выступала

Марианна Купер, аномалка с суггестивными и телепатическими способностями чрезвычайной силы. Дело было на мази, я уже видел близняшек, подходивших в тумане к месту нашего с Марианной разговора... Все изгадил майор Бабурин по прозвищу Бабуин, курировавший Виварий от ЦАЯ и заявившийся на Садовую с большим отрядом спецназовцев-«каракалов» с целью захвата или уничтожения Плаща, а на участь моих девчонок плевать хотевшего.

Началась битва всех против всех, с использованием как обычного оружия, так и аномальных способностей. Причем Андрей и Лена оказались предателями, ударили в спину нашему отряду.

В ходе побоища я сумел-таки поговорить с Плащом лицом к лицу и получил заверения, что слово он сдержал: девочкам никто не мешает вернуться к отцу, кроме отморожков Бабуина, открывших шквальный огонь... После того я подобрался к дочерям совсем близко – их никто не охранял и не сторожил, но... Ко мне они не вернулись. Как я понял, подлец Плащ все же обманул и сумел капитально промыть им мозги. Слабо утешало лишь одно: «попрыгунчики» ублюдку не достались, они хранились перед обменом у моего папаши, и тот сумел их не то вынести из боя, не то спрятать, я толком не понял, связь была паршивая и оборвалась на полуслове.

Кончилось сражение тем, что малышка Жужа в диком, непредставимом выплеске аномальной энергии буквально сровняла с землей десяток зданий вдоль Садовой, на крышах

и чердаках которых засели бойцы Бабуина. После чего сама погибла от предательских выстрелов сталкера Леденца – ему она доверяла, считала за друга и соратника. Мало того, гнида Леденец вырезал у еще живой, умиравшей Жужи ее уникальные глаза, прельстившись наградой, обещанной за них в НИИ им. Менеладзе. (Именно этим «биологическим экспонатом» Авдотья фон Лихтенгаузен пыталась пробудить мою спящую память.)

Леденца я убил крайне мучительным способом. И убил бы еще раз, подвернись вдруг такая оказия... Но и сам к тому времени был при последнем издыхании – упал и отключился.

А очнулся уже в госпитале – веселый, беззаботный, клеющий медсестричек и ничего не помнящий о событиях последних дней...

* * *

– Не сходится что-то у тебя, Авдотья. Не срастается. Не вытанцовывается... – уныло говорил я.

Мы вновь сидим рядом. Уже не за столиком, с ним случилось нехорошее, и столиком он быть перестал. Устроились мы рядышком на туго надутом матрасе, тому удары кулаков и ног съехавшего с катушек Питера Пэна нипочем. А пустить в ход зубы я не догадался, по счастью.

Сейчас я в порядке... Почти. Об убранстве гаража этого

не скажешь. Хозяин, вернувшись из своей деревни, неприятно удивится. Имущество Авдотьи тоже пострадало, и не только столик. На стульях теперь не посидишь, на плитке ничего не сготовишь.

Удивительно, но посреди разгрома и раздвоя стоит цельный и новенький биотуалет. Подозреваю, что в обезумевшем мозгу сохранился-таки крохотный, микроскопический уголок здравого сознания. Сохранился, оценил все ароматные последствия данного конкретного акта вандализма – и направил разрушительный порыв на что-то иное...

Рука зампомеда и доктора медицинских наук обнимает меня за плечи – или, что точнее, пытается обнять, плечищи у меня о-го-го. Не каждый доктор так плотно общается с пациентом, но никакого эротического подтекста в этой позе нет: словно любящая мать утешает сына... Хотя по возрасту Авдотья годится мне лишь в старшие сестры.

Похоже, тело и мозг Питера Пэна решили, что будут дежурить посменно, на манер медсестричек Полины и Люси. Не так давно мозг отключился, позволив телу ломать и крушить. Теперь же мышцы отдыхают, а извилины лихорадочно трудятся, пытаются придумать какую-то защиту от вываленной груды информации, осознавать которую невыносимо, найти в ней нестыковки, противоречия и радостно объявить все вновь обретенные воспоминания фальшивкой, не пойми зачем засунутой в голову Авдотьей...

Я же, Питер Пэн, хозяин и тела, и мозга, наблюдаю за по-

тугами моего серого вещества несколько со стороны, с любопытством, но без особой веры в успех... Скажите, доктор Лихтенгаузен, это и в самом деле шизофрения?

– Не сходится что-то у тебя, Авдотья, – говорю я. – Не срастается. Не вытанцовывается...

– Объясни. – Голос у нее безмерно усталый, намаялась со мной, непутевым.

– Смотри, что получается: допустим, есть методы, позволяющие обнулить память таким, как я, – она о них узнала и научилась использовать. Но почему тогда меня в госпитале сторожили целых три лба, не считая штатной охраны? Именно сторожили, а не охраняли от угрозы извне... Меня – безопасного, ничего не помнящего и свято уверенного, что всего лишь схлопотал приступ от переутомления?

Авдотья задумчиво смотрит на мой профиль, потом на емкость с глазами Жужи (контейнер небьющийся и лишь оттого уцелел) – и не спешит ответить.

Мое скептическое альтер-эго чует слабинку и развивает наступление:

– И я недаром сказал: «Допустим, есть методы». Допущение крайне шаткое... Горгона в свое время из кожи вон лезла, пытаясь забраться мне в голову, взять под контроль. И обломалась. Нет у нее методов против Питера Пэна! Как же она сумела этак препарировать мои воспоминания, а?

Авдотья вновь не отвечает. Снимает руку с моего плеча. Достает пачку сигарет.

«Да я ведь тоже курю!» – рапортует обновленная память. Эх, как раз вот этот факт, в виде исключения, госпожа полковница могла бы и оставить в тумане забвения...

Не помнил – и не хотелось. А теперь увидел пачку и готов сменять десять лет жизни на пару затяжек.

– Угостишь? – Угощает, не подозревая, что только что могла задешево получить изрядный кусок жизни Питера Пэна. – А-а-а, ментоловые... Ненавижу.

– Оторви фильтр.

Отрываю, прикуриваю от ее зажигалки. Некоторое время молча и сосредоточенно дымим, стряхивая пепел на пол. После всего, что здесь произошло, заботиться о чистоте и порядке смысла нет.

Потом Авдотья говорит:

– На твой второй вопрос, Петя, ответить проще. Другим вопросом: а ты сам-то остался на том же уровне аномальных способностей, что и десять лет назад?

– Я-то нет, но... Видишь ли, я развивал то, что у меня уже было. Если у тебя изначально нет рук, бицепсы не накачаешь – хоть ты умри в тренажерном зале, хоть анаболиками и стероидами завтракай, обедай и ужинай. Так?

Поворачиваюсь, смотрю на ее профиль. Она кивает. Внезапно замечаю, что она очень симпатичная женщина... Странно, сколько раз сидел к ней лицом к лицу на совещаниях у Эйнштейна – и в упор не видел. Вот что значит смена ракурса...

Развиваю мысль дальше:

– А она даже никак не могла затормозить мне кору мозга, это первый этап ее суггестии. Нет основы, фундамента. Нет кости для наращивания бицепса.

– Глупенький... Кора мозга сама собой тормозилась у тебя десять лет. Когда ты засыпал на семейной кровати после супружеского секса. Десять лет на эксперименты: твори, выдумывай, пробуй любые методики. Тебе никто не говорил, что ты склонен сильно недооценивать всех вокруг?

– Это такая завуалированная констатация моей мании величия?

– Не мании, я врач и словом «мания» просто так не бросаюсь... О маниакальном синдроме речь не идет, но ЧСВ у тебя и вправду зашкаливает.

– Я мало знаком с медицинскими аббревиатурами, расшифруй уж...

– Она не медицинская, она из теории stalking, но сейчас стала вполне житейской: ЧСВ – чувство собственной важности.

Ерунду говорит, но спорить не хочется... В главном Авдотья права: я несколько недооценил Наталью... Нет, лопни моя печень, я ее колоссально недооценил! Вбил в голову, что прежнюю Горгону кардинально изменило рождение близняшек. Что домашние заботы теперь главный смысл ее жизни, и ничего другого ей не надо, что агрессивная стерва, обожающая садистские манипуляции с чужим сознанием, сдохла и

похоронена. Ага... Сейчас... Эйнштейн утверждает, что она его изнасиловала в оранжерее? Охотно верю.

Но маленький скептик в моем мозгу упрям. Он цепляется к последней мысли, касавшейся Эйнштейна и оранжереи, и быстренько возводит новую линию обороны:

– Все равно не сходится... У нас с Гор... у нас с Натальей случилось... в общем-то подробности не важны... но, в общем... случился некий эксцесс... полагаю, она предпочла бы его стереть из моей памяти весь, целиком, от и до... на деле же лишь сгладила воспоминания о нем...

Питер Пэн – небывалое дело! – мнется и мямлит. А госпожа Лихтенгаузен у нас не хирург, но резануть по живому умеет. К тому же только что покопалась во всех моих шкафах с грязным бельем, дотошно и профессионально.

– Она наставила тебе рога с твоим непосредственным начальником?

– Да!!!

Гараж испуганно вздрагивает от моего крика, и страх его понятен: вся обстановка и без того разгромлена, в новом приступе гнева Питеру Пэну останется только крушить стены...

– Не кричи... И не стесняйся, я врач, мне можно рассказывать все.

– Да вроде уж все рассказал... – сникаю я. – Конкретная поза, надеюсь, не интересна?

– Позу опустим... Вопрос понятен. Отвечать как есть или

чтобы ты понял?

– Да уж желательно без заумных терминов...

– Тогда поясню на пальцах. И на примере: воспоминания чем-то схожи со следом резца. Бывают крохотные царапинки, тут же затягиваются. Спросил у прохожего на улице, который час, а завтра не помнишь ни вопроса, ни ответа, ни лица прохожего. Есть следы глубокие – воспоминания живут годами, даже десятилетиями. Так вот, оставаясь в рамках этой аналогии: ваш «некий эксцесс» – не царапинка и не глубокая прорезь, а натуральный Гранд-Каньон в твоём мозгу. Всю жизнь будешь помнить, и это не фигура речи. Реально всю жизнь, даже если очень захочешь забыть.

Она замолкает, после паузы добавляет иным тоном:

– Если бы мне поставили такую задачу: стереть это твоё воспоминание, – не знаю, рискнула бы я или нет. Нерешаемых задач нет, но тут недопустимо велик риск угробить личность... Получить на выходе пациента с воспоминаниями, обрывающимися на раннем детстве. Наталья, как я понимаю, не рискнула. Сделала что могла, сгладила острые края и уступы твоего «Гранд-Каньона».

– А вот тут ты попала впросак... После «Гранд-Каньона» я не спал с ней. Вообще. Ни разу. – Мой маленький скептик уверен, что выложил неубиенный козырь. – А к воякам на поклон – позвольте, мол, мужа полечить, – никогда бы не пошла, не тот человек.

Фрау Лихтенгаузен бьет мою карту играючи:

– Она первую неделю лежала здесь, в этом отделении. Приходила в себя после Садовой. Уж нашла бы способ... Персонал тут в кастрюлях не спит, в шлемах не ходит.

– Ладно, убедила... Но почему мы заранее все стрелки свели на нее? Может, покуражился с моими мозгами вовсе не аномал? Ты ведь не единственный гипнолог в погонах, полагаю?

– Не в гипнозе дело... В гипнотическом трансе я вытащила наружу твои воспоминания. Однако стирали их не гипнозом, не классическим внушением. Как и чем, понятия не имею, моя работа – лечить, а не калечить. Одно скажу точно: гипнотизер с тобой не работал, я бы воспоминание о таком сеансе тоже бы пробудила...

Я не спорю... Потому что обнаружил в памяти еще кое-что новое, оно же хорошо забытое старое. Новое-старое касалось оранжереи... знаменитой Наткиной оранжереи... нашей семейной гордости. Но не мерзкой случки, состоявшейся в ней, нет, более ранних событий, когда все только начиналось...

А началось все со скандала. Мощного такого скандала, примерно десятибалльного по шкале Питера Пэна, стрелка стервометра трепетала в красном секторе... Я человек в быту и семье покладистый, но против идеи построить оранжерею в доме бился до последнего. К цветам я равнодушен, но на их ароматы в такой лютой концентрации у меня аллергия. На улице – хоть две оранжереи, хоть десять, хоть все достав-

шиеся нам фермерские уголья в три яруса остекли. Но в доме оранжереи не будет, точка, Питер Пэн сказал.

(Если честно, я сам имел виды на эту площадь. Отличный вид, южная сторона... грех занимать душным обиталищем растений место, где можно чудесно провести время с бокалом виски и дымящейся сигариллой...)

Она давила. Я держался, я стоял на своем, как гвардия под Ватерлоо. Десятибалльный скандал перерос в двенадцатибалльный, а потом его сила вышла за пределы шкалы, прибор стервометр взорвался, не вынес запредельной нагрузки...

Но я держался под картечью оскорблений и ядрами аргументов, и враг протрубил отбой – оранжерея удрейфовала из дома на улицу.

Я победил! И забыл свою победу, и предысторию ее забыл, вообще все забыл... Даже позабыл засекреченный от Горгоны виртуальный прибор стервометр, он изрядно меня веселил...

А вместо этого...

* * *

Мы со Светлячком покинули оранжерею и собрались подняться на второй этаж, но были перехвачены Натали:

– Гоблин, прими-ка дозу...

Это традиция. Маленькая домашняя традиция, и со сто-

роны может показаться смешной, но для меня – один из кирпичиков в фундаменте семейного счастья...

Дело вот в чем: я редко болею, почти никогда. Но Натка вбила в голову, что на службе, когда сутками пропадаю в Зоне (в Виварии и на полевых работах), питаюсь я кое-как, чем попало и от случая к случаю, и оттого витаминов моему организму не хватает катастрофически. И со свойственной ей решительностью и настойчивостью спасает мужа от авитаминоза...

Я не против, вреда от ее поливитаминов нет. Пользы тоже – давненько выданная мне с собой в Виварий упаковка пылится в моем кабинете, до сего времени почти полная, что на здоровье никак не отражается.

Но скушать вечером свою «дозу» – священный и неотменяемый ритуал. И обязательно с ладони Натали, это тоже ритуал, и тоже священный.

И я его исполняю, и делаю это намеренно неуклюже, словно нелепый голенастый жеребенок хватается губами сахар с ладони, и целую ладонь, и Натка смеется: «Гоблин, не балуй!», но я знаю: она хочет, чтоб баловал, и она знает, что я знаю, и когда дети уgomонятся, мы с ней побалуем, как и сколько захотим, а захотим немало, и этот маленький кругляш на ладони – ключ и пароль к чему-то гораздо большему, к чему-то очень большому, и вот что я вам скажу...

– Гоблин, не тормози! Веди гостя наверх...

И вот что я вам, братцы, скажу: это и есть счастье.

Оранжерея – у нас в доме. Душная, влажная, вонючая. Возведена единодушным решением семейного совета. А якобы поливитамины, которыми пичкает меня Горгона, – на деле тавегил, пересыпанный из родной упаковки, и без него я захлебнусь в аллергических соплях.

А теперь напрягите извилины и ответьте мне: какому постороннему суггестору-аномалу или человеку-гипнотизеру нужен именно этот конкретный провал в моей памяти? Эта ее коррекция?

Правильный ответ: никакому. Постороннему – никакому. Лишь своей доморощенной суггесторше, днюющей и ночующей в поганой оранжерейной духоте, растящей там свои цветочки и мои рога.

Тут главное – начать... Память сама начала подкидывать новые и новые факты. Как много нового можно узнать о себе и семье, если *правильно* начать вспоминать... Спасибо, Авдотья.

Пока я рылся в помойной куче воспоминаний, она молчала, а сейчас откликается, и я понимаю, что заканчивал мысль вслух.

– Всегда пожалуйста...

Потом Авдотья добавила словно и не для меня, словно адресуя жалобу чудом уцелевшему биосортиру:

– Устала я с тобой, как шлюха в припортовом борделе... Причем как шлюха в день возвращения эскадры из многомесячного плавания в открытом океане... И все жду, когда ты прекратишь обсуждать со мной детали и детальки своих личных и семейных проблем. Когда поинтересуешься – ну хотя бы вскользь, для проформы, – что происходит на твоей службе...

* * *

Разумеется, после такой подачи волей-неволей пришлось поинтересоваться.

Выяснилось, что с филиалом номер семнадцать ЦАЯ, кодовое обозначение «Виварий», произошло за минувшие недели много интересного...

Эвакуация базы в Новой Голландии – я застал лишь самое ее начало – завершена. Все не вывезли. Слишком долго завозили водным путем из Кронштадта, чтобы сейчас вывезти все запасы разом. Забрали самые ценные приборы, результаты исследований и, разумеется, подопытных... Остальное оставили, законсервировали объект.

С подопытными в ходе эвакуации случилась накладка: групповой побег. Причем сбежали, по мнению Авдотьи, самые интересные экземпляры.

А затем начался разбор полетов...

– Помнишь, Петя, весеннюю комиссию, нас инспектиро-

вавшую?

Помнил... Инспекция как инспекция, сколько же их было за годы, миновавшие после бегства из Хармонта... С двумя генералами, возглавлявшими комиссию, пил Эйнштейн, ну и заодно воздействовал на них своими аномальными способностями «химика». С инспекторами рангом поменьше пили мы с Авдотьей и другие начальники служб, и в результате акт инспекции оказался вполне лояльным... Все как всегда.

Все, да не все... Сейчас Авдотья сильно подозревала: наверх, в ЦАЯ, отправился совсем другой акт либо засекреченное от нас приложение к тому акту, что подписал руководитель филиала Илья Эбенштейн по прозвищу Эйнштейн.

Потому что сразу после эвакуации и Эйнштейна, и курировавшего филиал майора Бабурина по прозвищу Бабуин вызвали на ковер в столицу. Последний, кстати, в первый и единственный раз явился в филиал в полной форме и с погонами, а звезды на них были полковничьи. Вот и гадай, не то и впрямь его повысили через ступень, не то майорское звание – часть легенды и прикрытия.

Они уехали – и оба как в воду канули, ни слуху ни духу. Зато через несколько дней с верхов грянул приказ, временно отстранявший Эйнштейна от должности. Тем же приказом был назначен временно исполняющий обязанности главы филиала. Врио, едва объявившись на рабочем месте, в свою очередь тут же отстранил Авдотью с должности зампомеда (а де-факто – с должности заместителя по научной ра-

боте). Тоже временно. И назначил врио – не из наших, привезенного с собой. Дальнейшее известно: госпожа подполковница сидела дома, ожидая, пока ситуация окончательно не разрулится. Обнаружила чей-то навязчивый и тайный интерес к своей персоне – и в конце концов очутилась тут, в гараже.

– И кто же эти варяги, усевшиеся в ваши с Эйнштейном кабинеты? – спросил я с вялым любопытством; едва ли мне что-то скажут незнакомые фамилии.

– Ты их знаешь.

– Да откуда? Я в олимпийских эмпиреях ЦАЯ не бываю...

– А они не оттуда. Полковник Антипин теперь начальник, полковник Сало – его зам. Только не говори, будто не помнишь таких.

Помню, еще бы... Персонажи знакомые, оба из НИИ им. Менеладзе, и среди прочего отвечали они там за взаимодействие с нашим филиалом (проще говоря, за мелкое вредительство и попытки межведомственного шпионажа). Вот это новость так новость.

Пожалуй, там, в упомянутых эмпиреях, кто-то кого-то съел с потрохами... А здесь, на грешной земле, лишь следствия междусобойных разборок олимпийцев.

Авдотья добавила еще один мазок в картину маслом:

– Поговаривают, что вот-вот все ведомственные структуры, связанные с Зонами, – и силовые, и научные, – заберут у соответствующих ведомств. И сведут вместе в единую фе-

деральную службу. Якобы закон уже полностью подготовлен к первому чтению в Думе... Представляешь, какой раздрай, бедлам и передел всего предстоит?

Помолчали, представляя... Вот мало мне было своих проблем...

– Восемь лет... – грусто-грустно произнесла Авдотья. – Восемь лет трудов не просто псу под хвост... Хуже, чем псу, – прямо в лапы мясникам из НИИ Менгеле...

Я вновь искоса взглянул на нее... Г-жа Лихтенгаузен сидела, плотно прижавшись ко мне плечом, и вид имела крайне несчастный... но весьма симпатичный и привлекательный.

И...

В общем, я обнял ее, привлек к себе, поцеловал в губы.

Клянусь, секунду-две она мне отвечала, успел даже подумать, что подполковник медицинской службы – большой шаг вперед в сравнении с медсестричками...

Потом Авдотья оттолкнула меня. И оказалась на ногах. Лицо у нее стало странное, словно зампомед единым разом схрумкала все лимоны из своего НЗ, и скулы у нее сводит от дикой концентрации лимонной кислоты, и все остальное тоже сводит.

Я не понимал, что происходит. Что-то странное...

– Нет, Петя... – произнесла Авдотья каким-то новым, сдавленным голосом. – Это было бы уже чересчур... Даже для тебя... а для меня тем более.

– Если тебя смущает Натали, то вопрос с ней решен. А

если твой муж...

Она издала сдавленный горловой звук. Понятно, муж ее не смущает, куда уж такому задохлику против Питера Пэна... Все варианты перебрал, остался последний.

– Если же тебя напрягает разница в возрасте, то я тебе скажу...

Она засмеялась, и я осекся. В последние минуты мне совершенно не нравилось ее лицо. И голос. Но смех не понравился больше всего...

– Возраст, – сквозь смех выдавила Авдотья. – х-хе-хе-хе... возраст...

Отсмеялась и тут же начала безбожно врать:

– С возрастом, Петенька, засада, надо бы еще разобраться, кто из нас старше...

– Ох... Авдотья, я, конечно же, джентльмен и не заглядываю женщинам в паспорт, но...

– Тогда я не леди! – отчеканила г-жа подполковница. – Я мужикам заглядываю! В медицинские карты! А там все: и возраст, и результаты анализов с обследованиями... В твою тоже заглянула. В последнюю историю, что здесь, в госпитале, завели... Я ведь говорила, что у меня тут одноклассник начмедом, да? Так вот, заглянула...

Она замолчала.

– Не томи уж, а? Что там у меня? Два сердца? Или третий глаз вот-вот прорежется?

– Тебе сорок – сорок пять лет. По всем анализам и ис-

следованиям именно таков твой биологический возраст. Ты только не психуй и не маши руками. Прими как данность... С этим надо разбираться, искать причины, пытаться затормозить процесс... А руками махать не надо.

Я не собирался психовать. Напротив, совершенно успокоился. Зачем в мою карту напихали фальшивых анализов, можно лишь гадать, и первая же версия очень похожа на правду: да для того, чтобы промариновать в госпитале подольше! Анализы у меня всегда отличные, гнать надо больных с такими анализами из больниц и госпиталей, как злых симулянтов.

– Тяжело с таким жить... – сказал я. – Но попробую привыкнуть... А разбираться с этим будем потом, когда все устанет... А пока похожу стариком.

Ну не спорить же с ней? Мы говорим на разных языках... Она пялится в свои анализы, а я, извините, ощущаю свое тело – молодое, двадцатипятилетнее, ни намек на старческие болячки...

– Дураком пока походи, так правильнее... – негромко произнесла Авдотья. – Ладно, проехали. Какие у тебя ближайшие жизненные планы?

– Может, мне пойти и сдать эскулапам?.. Дескать, я все тот же, с памятью почищенной и кастрированной. Ну да, режим нарушил... Выбежал пивка попить, а пиво без водки – деньги на ветер... Вот и задержался на всю ночь и половину дня. Что они мне сделают за нарушение госпитального рас-

порядка? Выпишут досрочно? Переживу.

– А смысл? Ты, когда тут буйствовал, вопил, что всех на куски голыми руками порвешь, но девчонок своих отыщешь... И что? Думаешь, их к тебе в госпиталь, прямо в палату доставят?

– Смысл в том, чтобы меня не разыскивали. Спокойно выпишусь, тут же возьму отпуск по состоянию здоровья, получу свободу рук...

– Не советую. Очень не советую. Никакой свободы ты не получишь... Мне представляется, что кто-то и где-то еще не решил окончательно, что с тобой делать... Но свобода рук среди опций изначально отсутствует. Вали побыстрее из Песочного и попробуй отыскать своего отца для начала... В две головы быстрее что-нибудь придумаешь.

– А ты? Давай со мной, раз все равно ушла в подполье... Тошно тут, в гробу этом железобетонном.

– С тобой... Э-эх, Петя... – Авдотья вновь одаривает меня непонятым взглядом – точь-в-точь таким же, как после попытки поцеловать ее. – Я, пожалуй, тут еще посижу. До прояснения обстановки. До возвращения Эбенштейна или появления приказа о его снятии... Потом буду решать.

– А как узнаешь?

– Он позвонит, если вернется... А если нет, все равно найдется, кому известить. Врала я тебе давеча насчет телефона, каюсь.

– Я знал, что врешь.

– Ну а я знала, что ты знаешь... Значит, никто не в обиде. Ладно, иди, не теряй времени... А мне тут убраться немного надо.

– Ну, как знаешь... Надеюсь, увидимся.

– Непременно... Иди.

Авдотья приоткрывает створки ворот, я выскальзываю наружу. Солнце резануло по глазам после полутьмы гаража, я сделал пару шагов и развернулся. Наша конспираторша еще не успела запереться изнутри.

– Забыл тебе сказать спасибо, Авдотья... Огромное спасибо за все. Я никогда бы не подумал, что ты столько для меня сделаешь... Я даже сейчас не совсем понимаю, зачем ты все это...

Она перебивает мою речь, но не словами, а каким-то негромким воем:

– У-у-у-у-у-у...

Словно у нее дико болят зубы, и лишь огромное усилие воли не позволяет завопить во весь голос.

– Авдотья, с тобой все в порядке?

– Со мной. Ничего. Не в порядке.

– Я не понимаю...

– Ты не понимаешь... Ты даже *сейчас* не понимаешь, зачем я все для тебя делала... А если бы... Ладно. Не хотела, но... У всего есть свой предел.

Второй раз за сутки я начинаю подозревать Авдотью в сумасшествии... Тенденция, однако. Она подозрение немед-

ленно подтверждает, выпалив какую-то бессмыслицу. Звучит та примерно так:

– Бинго-бинго-устрица-семь-три-два! – И в завершение тирады сбрендившая подполковница громко щелкает пальцами.

– Ты успоко... – начинаю я, но Авдотья перебивает:

– Вспоминай, гондон! Новая Голландия! «Колодец»! Мой муж!

Я так и сел... Натурально шлепнулся задницей на бетонное покрытие. Вспомнил все. «Старика Лихтенгаузена», в лепешку разбившегося, – в первую очередь...

Клятва Гиппократата? Нет, не слышали... Эта подлая змея в своих шкурных интересах не стала трогать один из участков моей памяти, обнесла заборчиком, приватизировала, а теперь выпустила жившего там демона на волю.

– Ты и сейчас не поймешь, зачем я сделала для тебя все, что сделала, – говорит Авдотья негромко, но страшно. – Ты всегда был туповат, Петенька. Все просто. Ты убил моего мужа...

– Я не...

– Заткнись. Ты уничтожил мою семью. Я ответила тем же. Без обид, зуб за зуб, око за око.

Такой я ее и запомнил – глядя снизу вверх, по-прежнему сидя на бетоне... Яркий солнечный день – и вертикальная черная полоса, словно щель в другой мир, в чужой и темный. И Авдотья – там, в темноте, за границей миров: блед-

ная, осунувшаяся, с кругами под глазами, – смотрит на меня с непонятым выражением, но, пожалуй, без ненависти...

Могучая стальная дверь с лязгом захлопнулась, и тут же лязгнул засов. Внутри мне теперь не попасть без согласия Авдотьи (либо без автогена или взрывчатки). Не оправдаться, ничего не объяснить... Да и не стоит, наверное.

– Бинго, устрица... – растерянно произнес я, поднимаясь.

Дурацкие слова Шляпника, вытасканные из памяти Авдотьей, привязались, и весь свой пеший путь от гаражного кооператива я твердил на разные лады и с разной интонацией: «Бинго, бинго, устрица...»

Словно надеялся: повторю это волшебное заклинание тысячу раз, и все вернется, и я снова окажусь в палате госпиталя, и главной проблемой текущего дня станет полученный от Клавы-Клары афронт...

Но волшебство выдохлось, не сработало.

Все осталось как было.

Глава 4

Минута славы Питера Пэна

Последняя круговая электричка отправлялась в начале первого. Я вскочил в нее, придерживав захлопывающиеся двери. В вагон не прошел, там было шумно, брэнчала гитара и веселилась далеко не трезвая компания. А я насиделся в гараже до мозолей на заднице... Стоял в тамбуре, уставившись на запыленное стекло с надписью «Не прислоняться». Размышлял.

Времени на раздумья хватит, дорога дальняя... Песочный – пригород Питера, Тосно – один из ближайших райцентров области. По прямой не так уж далеко, но теперь по прямой никто не ездит, дорогу преградила Зона, поезда из Северного полукольца ездят в Южное по громадному кругу, далеко отстоящему от Периметра, и Неву пересекают аж по Кузьминскому мосту, значительно восточнее границы Зоны.

Рано утром приеду в Тосно... И там станет весело. Я теперь человек-торпеда, да... И «тотем» мой – огромная железная сигара, начиненная взрывчаткой.

Натали-Горгона попыталась торпеду разрядить, вывернула взрыватели – не из заботы обо мне, из банального страха за свою шкуру. Авдотья, добрая душа, взрыватели вернула на место и даже добавила парочку новых... Теперь с интересом ждет, кого убьет, а кого лишь покалечит при взрыве.

Я не в обиде, нет, – каким уж ни есть, но лучше быть собой, а не ментальным кастратом, безобидным и безопасным подобием прежнего Питера Пэна. Я не в обиде на Авдотью и не разочарую ее.

Взорвусь, и еще как взорвусь!

Уцелевшие позавидуют мертвым...

За окном тамбура – мутная серая ночь. Ее тоже кто-то кастрировал, нашлась своя Горгона и оскопила, – и ночь тоскует по настоящей черной тьме, по ярким звездам.

Прижимаюсь пылающим лбом к холодному стеклу. Так немного легче... Ты потихоньку сходишь с ума, Питер Пэн... Или не потихоньку? Или уже сошел?

Колеса ритмично постукивают по стыкам рельсов. Задают некую тактовую частоту моему мозгу, изнасилованному двумя стервами по очереди. Спокойно, Пэн, спокойно. Отключай истерику, включай разум, включай логику. Хватит бреда – любой шарлатан-психоаналитик вцепится в него, как питбуль в задницу, а дедушка Фрейд радостно захихикает в гробу, потирая ладошки: торпеда как огромный фаллический символ, и взрыв-оргазм, и подсознательный страх кастрации – вау!

Ты молодец, Пэн. Уже иронизируешь над собой – значит поправляешься.

Мелькают столбы, километры, станции... Хорошо, что до Тосно так далеко. Окажись наш офис под боком у госпиталя, натворил бы я дел... А так импульсивное желание уничто-

жить все и всех постепенно трансформируется в план. Детали пока не продуманы, слишком мало информации... Значит, будем импровизировать.

Но главная цель ясна: надо найти в филиале крысу, работающую на Плаща. Она есть, ее не может не быть. Иначе количество случайностей и совпадений пускает на дно немалый такой раздел математики под названием «теория вероятностей».

Средство достижения цели тоже сомнений не вызывает: буду потрошить. Фигурально, понятно, буду потрошить и людей, и технику – сотрудников филиала и их компьютеры. А может, и не фигурально... как пойдет.

Крыса же перед смертью сообщит мне главную информацию – как найти Плаща или по меньшей мере выйти на связь с ним.

Дальнейшие шаги к моим девчонкам сейчас не просчитать... Слишком много появляется вариантов. Хотя один уже сейчас выделяется из общей кучи. Самый верный и беспрюгрышный, но...

Но до чего же не хочется к нему прибегать... Назову его вариант «Омега» и оставлю про запас, на самый крайний случай, если все остальные ставки не сыграют.

...Электричка затормозила у очередной станции. Шумная компания в количестве пяти душ переместилась в тамбур. И не смогла спокойно пройти мимо меня. Хорошее было у людей настроение.

– Эй, отец, чего скучаешь? – прозвучал развязный голос. – А то пошли с нами, водки поьем, у нас на трех девочек всего...

Я медленно-медленно обернулся.

Рыжий парень лет двадцати осекся и закончил совсем иначе:

– Э-э-э... извини, отец...

Компания выкатилась на платформу. Я протер стекло от пыли, взгляделся в получившееся подобие зеркала.

Увидел морщины, глубокие – зеркала до сих пор не докладывали об их наличии. Увидел припорошенные сединой виски. Понял, почему в палате госпиталя не было зеркала даже в санузле. Не особо удивился, Авдотья ведь предупреждала...

А выражение лица... да, я и сам бы поостерегся приставать в ночной электричке к человеку с таким лицом.

Постоял еще, пока нижние конечности не объявили ноту протеста, – а дальше в Тосно поехал в вагоне, ставшем практически пустым, две старушки с корзинами не в счет. Даже подремал минут десять, до очередной станции, – динамик вздумал было разбудить меня, громко объявив ее название, но захлебнулся на полуслове и навеки замолк.

Погорячился... Зря испортил имущество РЖД. Не подумал, что если крепко усну, то наверняка проснусь в Ломоносове, на конечной. Пришлось сменить вагон и последние два часа пути дремать вполглаза под громяющий над ухом

В Тосно меня поджидал сюрприз.

Выглядел сюрприз симпатично, даже аппетитно: рост метр семьдесят девять, спортивная фигура, мгновенно вспыхнувшая при виде меня улыбка...

Короче говоря, на рассветной платформе меня поджидала Илона. Не уезжала куда-нибудь и не приехала – именно ждала. Именно меня. О чем и сообщила после обмена приветствиями.

– Ты все подряд поезда встречаешь? А то я, старый склеротик, забыл отправить эсэмэс со временем прибытия.

– Не все. Двадцать минут назад я встречала первый автобус. Ты им не приехал, и я двинулась к первому поезду.

– Понятно... Но ничего не ясно.

Илона не стала напускать таинственности, пояснила:

– Мне звонила Авдотья... Сказала, что ты утром скорее всего объявишься в Тосно... Попросила встретить, присмотреть, чтобы ты сразу не сделал какую-нибудь глупость. Не заявился сгоряча в наш офис, например. Или в свой дом.

Ох и везет же мне на заботливых женщин. Передают Питера Пэна друг другу, как эстафетную палочку: Горгона Авдотье, та – Илоне... Впрочем, забота фрау Лихтенгаузен попахивает эгоизмом: не для того она угрохала столько сил на

свою торпеду, чтобы та взорвалась до срока и впустую.

– Куда мы идем? – озаботился вдруг я.

До того шагал бездумно, без единой мысли шел куда ведут. Какая-то часть мозга явно еще спала... Катил себе в Ломоносов и беспечно дрыхла.

– К моей машине идем...

– И?..

– Поедем ко мне. Хоть отоспишься немного. Видел бы ты себя: лет на двадцать постарел...

Она вздохнула и добавила не совсем в тему:

– Я люблю тебя, Пэн.

Приятно, что скрывать... Приятно, когда где-то есть женщина, которая тебя любит, и верит, и надеется, и ждет тебя с первым поездом... Да к тому же работает в филиале, на должности хоть не начальственной, но дающей доступ к самой разной информации.

«С нее и начну потрошение, с Илоны, – решил я. – Фигуральное... И нежное, с долгой прелюдией, если, конечно, на прелудию хватит сил после почти бессонной ночи...»

Лучше бы мне хватило сил на что-то другое. Например, на то, чтобы припомнить слова Авдотьи, показавшиеся в свое время параноидальным бредом...

Но нет, не припомнил. Равнодушным взглядом мазнул по машине, галантно уступившей Илоне право первой выехать с парковочной площадки у вокзала. Хуже того, минуту спустя позорно задремал. Оправдаться можно лишь тем, что ав-

то не привлекало внимание ничем – ни моделью, ни навороченным тюнингом...

Вполне заурядная тачка: «Тойота Пантера», цвет «найт-классик», самый модный, если верить автодилерам, цвет прошлого сезона...

* * *

– Где ты купила права? – спросил я на третьем светофоре.

– Уже не помню, – беззаботно ответила Илона. – Когда гаишные базы накрылись при Прорыве, потом права на каждом углу продавали за копейки... А мне как раз восемнадцать исполнилось, ну и...

Жаль, что тогда же на каждом углу заодно не продавали минимальные водительские навыки...

Илона обитала не в самом Тосно, а в Тосно-2 – в обособленных, на манер города-спутника у мегаполисов, тосненских выселках. Давнюю сплетню о том, что она дочь какого-то большого туза, можно смело выводить в чистое поле и пускать в расход. Не живут в таких местах дочери больших тузов... Маленьких – тоже.

Светофоров между вокзалом и Тосно-2 не так уж много. После каждого я умудрялся задремать, а на следующем просыпался, боднув лобовое стекло, – такая уж манера езды у Илоны...

После третьего перекрестка спать расхотелось. Начал с

любопытством глазеть по сторонам: в Тосно-2 я никогда не бывал, проезжал его насквозь по шоссе, не останавливаясь. А «Фиат» Илоны свернул, направляясь к группе обшарпанных домов. Неужели она в одном из них живет, бедная? Не угадал, проехали мимо...

– Что за исторически значимый страдалец прославил это унылое здание? – спросил я.

– Почему страдалец?

– Ну а как еще назвать человека, каждый день глазеющего из окна на такие мерзкие пейзажи?

Поводом для нашего диалога послужила мемориальная мраморная доска – на стене древней блочной пятиэтажки смотрелась она сюрреалистично. Что там было написано, я прочитать не успел. Увидел лишь, что под доской лежит букет цветов – самых простых, полевых.

Илона пояснила: не страдалец, в смысле, вообще не мужчина. Женщина, которую до сих пор в Тосно помнят и любят, – имея на шее мужа-тунеядца и двух проблемных детей, она без устали занималась детьми чужими, тоже порой проблемными, и организовала...

– Скажи уж прямо: ее звали мать Тереза Тосненская, – перебил я, потеряв какой-либо интерес к рассказу (думал, жил здесь кто-то действительно знаменитый: академик, космонавт, известный сталкер... писатель, в конце концов...).

– Дебил ты, Пэн... – произнесла Илона таким тоном, что я сразу понял: шутка не удалась.

Целью нашей поездки оказался небольшой микрорайон, граничивший с частным сектором: на четной стороне улочки четырехэтажные дома, современные, недавно построенные, на нечетной – халупы, окруженные садами-огородами.

Улица именовалась Тополиной. Но тополя остались только на ее «сельской» части, на «городской» торчали кое-где объемистые пни.

«Фиат» (точности ради: «Фиат Коала», ну совсем не подходящий для транспортировки видных и габаритных мужчин) начал притормаживать. Я напрягся: куда свернет Илона? Направо или налево? Нахлебался Питер Пэн за последние годы деревенской жизни выше крыши, сыт, благодарю, добавки не требуется...

Хвала богам, свернула к нормальным домам, припарковалась у одного из них. Я облегченно вздохнул...

Затем еще раз вздохнул, уже печально, и приступил к непростой процедуре извлечения из «Коалы» своего тела, весьма компактно упакованного в салон малолитражки...

* * *

Приятно, когда она приходит, твоя минута славы. Славы не среди своих, в сталкерских кругах я и без того прославлен... Настоящей славы, всенародной.

– Ты Пэн? – спросила девочка лет двенадцати, глядя на меня с нескрываемым восхищением. – Тот самый знамени-

тый Питер Пэн?

Лицом девчонка напоминала Илону, и я сообразил, что та удивительно рано приступила к процессу деторождения; хотя я и сам стал отцом в неполные шестнадцать, не мне ее упрекать...

Несмотря на ранний час, девочка была наряжена, как на праздник. В руке держала букет цветов, и не полевых, оранжевых. Не хватало лишь расстеленной в мою честь красной ковровой дорожки и оркестра, играющего туш. Но и без того чертовски приятно...

Честно признался: да, Пэн, тот самый, знаменитый, – и протянул руку за букетом.

Минута славы не всегда длится ровно шестьдесят секунд, но все же называется так оттого, что очень коротка. Моя закончилась, едва начавшись.

Букет мне не вручили. И не планировали вручать. Рано встала и принарядилась девочка (звали ее Юлей, и приходилась она Илоне не дочерью, а сестрой) не в мою честь: сегодня ей предстоял последний экзамен, письменный русский, и все, свобода, каникулы! Букет, соответственно, предназначался кому-то из педагогов.

И все-таки... Мои захватывающие рассказы про Зону она хотела послушать всерьез. И глаза сверкали для меня... Обязательно поболтаем вечером.

– Я сейчас отвезу Юленьку к школе, а ты пока...

– Не рановато ли? Во сколько у вас экзамен-то?

Илона замаялась.

– Ну-у-у... там... в общем, они с девчонками договорились пораньше встретиться, повторить кое-что...

Звучало объяснение так фальшиво, что я сразу догадался: у родителей одной из девчонок есть завязки в Министерстве образования, и секретный текст диктанта (или что они там пишут), хранящийся в запечатанном конверте, – секретный не совсем для всех... Со сливами в Сеть вариантов экзаменационных заданий министерство научилось успешно бороться: на общедоступные ресурсы перед экзаменом вбрасывается немалое число фальшивых заданий, поди-ка вычисли единственное нужное, все составлены одними людьми. А вот личные связи по принципу «ты мне – я тебе» не победит никто и никогда.

– Мы поехали, а ты тут пока можешь принять душ... поспать можешь пока...

Дважды повторенное слово «пока» прозвучало чуть по-особенному, с легким нажимом, с намеком...

И мне понравился этот намек.

* * *

Душ я принял быстро, но потом долго брился (это непросто делать одноразовыми бритвами, предназначенными... лучше даже не задумываться, для каких мест женского организма они предназначены).

Потом завис, разглядывая в зеркале – наконец-то в нормальном зеркале! – свое новое лицо. По большому счету, оно мне нравилось больше прежней физиономии Питера Пэна... К той я не то чтобы привык... и не то чтобы с ней смирился... ну, есть и есть, мне в конкурсах красоты не участвовать.

Стало лучше: твердое, волевое лицо не мальчика, но мужа, без налета безбашенной юношеской придурковатости.

Тревожило не лицо – тенденция, стоявшая за его изменениями...

Лязг ключа в замке мигом вымел из головы все тревоги.

– Пэн, ты порезался, я сейчас... – начала говорить Илона, стоя на пороге квартиры.

– У тебя тут такие бритвы, что... – начал возмущаться я, стоя на пороге ванной.

Оба не договорили, шагнули друг к другу. Слова стали не нужны – все, сколько их ни есть в мире.

Входная дверь все сообразила и сама собой плавно закрылась, лязгнув защелкой замка.

А мы без лишних слов занялись тем, что...

Выражаясь метафорически, мы совместили интерфейсы и состыковали разъемы, и сплели ноги, образовав зверя с двумя спинами, и погрузили нефритовый жезл в сапфировую пещеру удовольствий, и сыграли в старинную русскую игру «кольцо и свайка», и обмакнули росток бамбука в «соус любви» (рецепт – в майском номере Womens Whim), и...

Говоря без метафор, мы трахнулись.

Горячо, самозабвенно, страстно, совсем как в тот раз, в наш первый и единственный раз, когда бушевавший в кабинете плешивого импотента Эйнштейна тайфун чувств останавливал настенные часы, сжигал телефоны и даже изрядно покарябал знаменитый Эйнштейнов стол из мореного дуба...

Отдышавшись, Илона заговорила. Ласковые и нежные слова влюбленной женщины звучали райской музыкой – тихой, умиротворяющей – для истрепанного жизненными бурями Питера Пэна, оказавшегося наконец в безопасной и уютной гавани.

– Если ты, сволочь, и теперь после секса ускользнешь на три недели в Зону или куда-то еще, не взяв меня с собой, клянусь, Пэн, я пойду за тобой следом, и найду, и застрелю тебя, подлеца, и вынесу оттуда на плечах – хоть надорвусь, да вынесу, – и похороню на Госненском кладбище. И вот тогда уж мы будем встречаться каждый день, я буду приходить, беседовать с тобой тихонечко, рассказывать, как растет наш ребенок...

– Стоп, стоп... – торопливо забормотал я, выпадая из райского блаженства в суровую реальность. – Какой еще ребенок?

– Мальчик. Или девочка. Тебе не рассказывали про секс и деторождение в школе, классе примерно в восьмом? Тогда послушай, это интересно: если мужчина и женщина занимаются сексом, не предохраняясь, то...

– Так ты не предохранялась?! И тогда тоже?!

– Мне отчего-то показалось, что тебя этот вопрос ну абсолютно не заботит. И тогда, и теперь... Ты даже не спросил из вежливости, пью ли я таблетки, не говоря уж о том, чтобы самому совершить пару совсем не сложных манипуляций.

– Пьешь? – торопливо и очень вовремя спросил Питер Пэн, крепкий задним умом.

– Нет.

– Э-э-э... я...

Ну да, да... когда десять лет живешь и спишь с одной женщиной... с одной и той же... десять лет... с одной и той же, и больше ни с кем... некоторые мужские рефлексy напрочь утрачиваются (а у меня их изначально не было, откуда им быть, в самом деле, у шестнадцатилетнего?). Короче говоря, в регулярно передаваемых майору Бабуину списках заказанных вещей презервативы никогда не значились (не знаю уж, какие мысли вызывал этот факт у майора). По умолчанию я считал, что Натали сама что-то как-то предпринимает, и не парился.

И позже не парился. Не привык париться...

Бли-и-ин...

Лена... Девушка Лорда, как ее там...

Госпиталь... мать твою, госпиталь... что же они все молчали?!

Я выскользнул из гнездышка любви, заходил по комнате – словно бы в неконтролируемом волнении, заставляющем

нас совершать бесцельные движения, когда надо бы что-то сделать, а сделать ничего нельзя...

На самом деле все шло по продуманному хитрому плану – взгляд мой торопливо шарил по комнате, по ее горизонтальным поверхностям: не лежит ли где-нибудь «бурундучок»-нежданчик? Девушки зачастую перед такими разговорами «забывают» на видном месте тест-полоску... С положительным, разумеется, результатом.

Нет, со мной такого не случилось... приятели рассказывали.

Тест-полоска нигде не обнаружилась. Ладно, хоть так... Но стоит как-нибудь ненавязчиво сменить тему разговора, плавно и осторожно увести его в сторону. Взгляд на электронный будильник мгновенно подсказал решение.

– Слу-у-у-ушай! – хлопнул я себя ладонью по лбу. – Да ты ведь на службу опаздываешь! Восемь минут осталось! Одевайся скорее, я отвернусь!

Отвернулся, заодно осмотрел в поисках тест-полоски крышку секретера, как-то я ее поначалу пропустил... И здесь ничего.

Повернулся обратно, сообразив, что вскакивать и одеваться Илона не спешит.

– Петя, я вообще-то рассказала... Но ты по дороге постоянно отключался и, наверное, пропустил... Я не хожу на службу, и восемьдесят процентов от нашего списочного состава тоже. Отпуск за свой счет на неопределенный срок... А

у меня, предполагаю, навсегда: оба новых начальника, Сало и Антипин, притащили с собой своих секретарш...

– Симпатичные?

– Ну, как сказать... На любителя. Обе мужского пола, в униформе, с кобурами на поясе...

– Странные вкусы у новых начальников... Поневоле пожалеешь о старине Эйнштейне... Пропуска, кстати, у отпускников изъяли?

– Первым делом. И из списка допущенных исключили, по «опознавателю» тоже не пройти. Я в ящике стола книжку недочитанную позабыла, так и не взять теперь...

В голове у меня с треском и грохотом обрушился весь план потрошения Вивария. Ибо предусматривал он активную помощь Илоны: придет на службу, подключит к служебному компьютеру небольшую такую коробочку, что позволит Питеру Пэну издалека, не маяча под окнами, исследовать своими аномальными способностями внутреннюю сеть офиса, совершить виртуальную прогулку по жестким дискам...

И все накрылось на первом же пункте: не придет и не подключит.

Когда-то я, дурак, мечтал, чтобы на место Эйнштейна сел какой-нибудь армейский полковник и хоть немного приструнил царящий в филиале бардак. Домечтался... Накликал... У полковника Антипина не забалуешь.

Эх, Эйнштейн, Эйнштейн, как нам тебя не хватает...

Последние слова я произнес вслух, Илона мгновенно отреагировала: не хватает, так свяжись с ним... Он просил, даже требовал перед отъездом, чтобы Петр Панов с ним немедленно связался, едва покинет больницу и объявится здесь.

Я бы связался, я даже пробовал, последний раз недавно, с ее городского, но слова Авдотьи полностью подтвердились: ни один из начальственных номеров не отвечает... Так и объяснил Илоне: как, мол, связаться? Запечатать письмецо в бутылку и бросить в речку Тосну?

– Он оставил девайс, специально для тебя и специально для прямой связи с ним... Сейчас принесу. Второй серии... э-эх... у нас, похоже, не будет.

Накинула халатик, вышла. Вернулась с простеньким восьмидюймовым планшетом, пояснила: настроен он так, что лишних движений делать не надо, включи – и видеосвязь сама установится.

– Да что же ты раньше-то молчала?!!

– Не промолчала бы – так и первой бы серии у нас не было... А я так давно не ходила в кино... Вот и подумала: терпел без тебя Эйнштейн две недели, потерпит и еще часок. У него хоть голотурии, а я совсем исстрадалась...

Ох уж эти женщины... Не тем думают.

– Нашла ту папку? С голотуриями?

– Нашла... Да уж... Кто бы мог подозревать ТАКОЕ...

Я продолжал дурацкий диалог с Илоной вместо того, чтобы с бывшим боссом начать другой, серьезный и важный, по

единственной причине: одновременно торопливо одевался, не к лицу Питеру Пэну отправляться на видеоконференцию голышом.

Застегнул последнюю пуговицу и тут же сменил собеседника. Диалог, как ни странно, серьезным и важным от этой замены не стал. Остался невероятно дурацким...

Знаете, что первым делом сказал мне Эйнштейн? После всего, что было, после всей дикой круговерти событий, начавшейся, кстати, с его амурных походов в оранжерею моего дома? После разгрома Вивария, после побоища на Садовой, после гибели двух его заместителей и исчезновения еще двух?

Сказал он, негромко и печально, вот что:

– Ты изгадил мой стол, Пэн...

Сделал паузу и оглушительно проорал, потрясая сжатыми кулаками:

– ТЫ, СУКА, ИЗГАДИЛ МОЙ СТОЛ!!!

Ну что тут скажешь...

– Хреново быть тобой... – только и нашелся я.

Глава 5

Капитан Крюк идет по следу

Я сообразил, какой Питер Пэн тормоз, когда отшагал слишком далеко, чтобы возвращаться...

Пройтись от дома Илоны до нашего офиса недалеко – немного прогуляться через Тосно-2, перемахнуть железнодорожные пути, и, считай, пришел. На машине, в объезд, получится по времени столько же, а если придется пережить поезд – даже дольше.

Мой мозг, взвесив все за и против, принял логичное решение: идти пешком, не связываться с транспортом. Вот только у нижних конечностей спросить совета мозг забыл... А ноги в новых, не разношенных туфлях, полученных от Авдотьи, чувствовали себя некомфортно и с каждой сотней метров намекали все громче: стоит их, ноги, поберечь, чтобы все не закончилось кровавыми мозолями...

Вернуться на проспект Ленина и быстренько купить что-то более подходящее? Я прикинул: конец туда, конец обратно, приплюсовал время на поиски и «дойку» банкомата – и решил, что не стоит.

Доковыляю как-нибудь до нашего офиса... Там можно будет переобуться, кроссовки лежали у меня в кабинете старые, неказистые, но ноги не натрут. А еще лежала у меня там записка, пять косарей. Деньги вроде и небольшие, но дарить

их непонятно кому не хочется...

Решено – сделано.

Дежурный уставился изумленно. Наверное, слух о том, что знаменитый Питер Пэн валяется в больнице чуть не при смерти, разлетелся по филиалу, когда здесь еще жизнь была ключом... Опровергать его незачем и некогда.

Объектив «опознавателя» уставился на мою новую физиономию, я немного сомневался, устроит ли процент совпадений придирчивую технику. Не беда, просканирует сетчатку глаза и пропустит... Если, конечно, меня не исключили из списка допущенных... Эйнштейн уверял: пройдешь свободно, но едва ли оба врио информируют отстраненного начальника обо всех своих решениях.

...Разговор наш с бывшим боссом не затянулся. Высказав свое «фе» касательно стола, от прочих попыток общения Эйнштейн отбивался как мог. Лишь сказал, что я должен пойти в офис и забрать из своего сейфа пакет с крайне важной для меня информацией. Никто меня на входе не арестует, внутри тоже, не было таких распоряжений, он хоть и далеко, но руку на пульсе держит, свои люди в филиале остались. Так что иди, возьми пакет, изучи содержимое: вот тогда-то и появится тема для долгого обстоятельного разговора. До того ему, Эйнштейну, не стоит терять время, отвечая на мои глупые вопросы, после изучения документов они отпадут сами собой...

Один вопрос я все же задал и сразу же уточнил: без ответа

на него никуда я не пойду, и пусть тогда Эйнштейн свернет свою инфу в трубочку и засунет в то место, где она очень удивит проктологов.

Вопрос, возможно, был глупый. Для Ильи. А для меня насущный и основной: имеет ли эта информация отношение к моим похищенным девочкам? Самое непосредственное, пообещал Эйнштейн и тут же получил ответное обещание: если врешь – убью.

Начав задавать вопросы, остановиться трудно... Я задал еще один, теперь и вправду глупый: ты, собственно, где? Непосредственно после обещания убить, согласитесь, не очень умно интересоваться такими интимными вещами...

Где находится его «далеко», Илья конкретизировать не пожелал. После, дескать, все после...

Я попробовал выяснить сам, проследить сигнал... Не преуспел: сигнал уходил на здешнюю телебашню, утыканную (кроме собственно ТВ-причиндалов) приемо-передающей аппаратурой всевозможных провайдеров и операторов сотовой связи. В тамошней какофонии аномалу отследить сигнал – все равно что человеку с нормальным слухом слышать кузнечика, стрекочущего в оркестровой яме во время исполнения оперы.

Эйнштейн мог говорить со мной из столицы... Или из-за океана, через спутник. Или из шкафа Илоны... нет, оттуда я услышал бы его голос вживую... Но за стенкой, в соседней

квартире, Эйнштейн вполне мог сидеть.

Утешало одно: никто нас подслушать не мог, сигнал был закодирован добротно, одним из новейших кодов с плавающей «декой», причем неизвестным мне, а я такие вещи отслеживаю...

Короче говоря, я пошагал в филиал. Первоначальный вариант потрошения отменился: ни к чему собирать информацию по крупицам у людей и компьютеров, если кто-то сделал все за тебя.

...«Опознаватель» наконец-таки дал добро, и я быстренько просочился мимо дежурки. Прорваться силой, наверное, смог бы... Но тогда пришлось бы хватать добычу и мгновенно смываться. А мне хотелось немного осмотреться. Принюхаться – что тут носится в воздухе? Все-таки не все сотрудники отправлены по домам...

В филиале стояла тишина, как на Тосненском кладбище, куда меня собралась наладить Илона... Из курилки не доносились голоса, из-за дверей бухгалтерии не слышался смех тамошних развеселых девиц. Прошел длинным, уныло окрашенным коридором – ни души, а обычно пяти шагов не делаешь, чтобы с кем-то не поздороваться...

На второй этаж я поднялся по боковой узкой лестнице – по ней редко кто ходил, чтоб не давать крюка. Но до моего кабинета по главной, по центральной лестнице идти дольше.

Поднялся, так никого и не встретив, и оказался у своих владений. Дверь заперта – Леденца, делившего со мной слу-

жебную площадь, на месте не было и никогда уже не будет. (Мы с покойным сталкером здесь бывали редко, наездами, и Эйнштейн решил, что выделять каждому по отдельному кабинету – слишком жирно.)

Ключи от кабинета постоянно таскать с собой резона не было, и мы – и Леденец, и я – частенько забывали их в Виварии. И для таких okazji сделали дубликат и держали в коридоре, в тайничке, всем инструкциям по внутренней безопасности вопреки...

Короче, внутрь я попал без труда и без криминального вскрытия дверей.

Мой комп-моноблок исчез со стола. И отчего ты не удивлен, Питер Пэн? Но важной информации я здесь не хранил, так что тех, кто займется потрошением диска, ждет большой облом – ничего интереснее семейных фото с пляжа не найдут, да и там на всех Натали в купальнике...

Внезапно я сообразил, что мысленно назвал ее Натали, не Горгоной... И представил без купальника... Нет, нет, в купальнике ей все же лучше... топлес – не ее, это скорее к лицу Илоне. Вернее, не к лицу, а... в общем, понятно.

Комп Леденца стоял на своем законном месте... Я вновь не удивился – похоже, в гараже Авдотьи Лихтенгаузен растратил все запасы удивления на десять лет вперед.

Я вспомнил про дебильный меморандум сталкера об уничтожении всех Зон, первый вариант которого он якобы отослал по электронке в ЦАЯ, и не удержался, присел на ми-

нутку за чужую клавиатуру. Интересно стало, пришел ли ответ... И как обстоят дела с чувством юмора у человека, ответ сочинявшего, тоже хотелось узнать.

Не сложилось... Вход в систему сталкер запаролил, даже не ждал от него. А с заставки на меня уставилась вдова Леденца и его дети – мальчик лет пяти и девочка чуть постарше. Никаких следов аномальности во внешности детей... Они и не аномалы. Леденец перед первой своей вылазкой в Зону депонировал в «банк спермы» столько генетического материала, что хватило бы зачать взвод сталкерят... чупа-чупсов с чистыми генами... Очень уж дорожил он «человечностью», своей и потомства.

Плоды искусственного осеменения вроде бы и улыбались с заставки, но их взгляды... Взглядами они старались про сверлить во мне дырку. Или прожечь.

– Не пяльтесь, нечего тут, – неприязненно заявил я. – Вы то хоть живы, и зыркать вам есть чем, а вот ваш папашка у моей...

Я осекся, сообразив, чем занимаюсь... Доктор, это лечится?

Ладно... Не стоит забывать, зачем пришел.

Заначка находились на своем законном месте, кроссовки тоже. Забрал первое, обул второе. Поколебался секунду-другую – и набрал номер Илоны со служебного. Даже если гг. Сало и Антипин уже начали активно слушать все здешние телефоны, ничего криминального не прозвучит, в конце кон-

ЦОВ.

– Привет, это я... Жив, здоров, здесь все тихо и спокойно... Скоро собираюсь обратно.

– Слушай, а заскочи тогда в школу, забери Юльку после экзамена? У меня тут засада...

– Что не так?

– Да все не так... Не уйти... Из ТСЖ позвонили – на мою нижнюю соседку вода подтекает, сантехники придут, всю систему проверять будут... В общем, не выбраться.

– Ладно, заберу...

Она назвала адрес школы и время окончания экзамена. Успею с запасом, понял я, можно не торопиться. И направился к двери. Неторопливо.

Замер, хлопнул себя по лбу... Вот дурак-то! Все сделал, даже с изображением на компьютерном экране подискутировал, а зачем сюда явился – позабыл.

На дверце сейфа белела бумажная полоска с печатью, но код поменять никто не потрудился... Зачем, если уже выгребли все до последней бумажки? (Не только бумаги пропали, полупинтовый бутылек «Джека Дэниелса», заначенный на черный день, тоже дематериализовался.)

Эйнштейн заложил свою информационную бомбу уже после, в пустой сейф. Почему не оставил Илоне, понятно, инфачем и никак не защищена: большой бумажный конверт. Внутри, на ощупь, тоже бумаги – вскрывай и читай.

Но почему секрет хранится именно здесь? Не самое на-

дежное место, мог бы уж придумать тайник и вне офиса... Либо Илья был в диком цейтноте и решил рискнуть: никто, мол, не полезет снова в опустошенный чужой сейф. Либо... Второе «либо» не придумывалось.

Ладно, надо посмотреть, что там, может, и этот вопрос отпадет. Но лучше смотреть не здесь, загостился.

* * *

Двинулся к выходу тем же путем, и на боковой лестнице меня поджидал сюрприз. Перекрыв грузным телом узенькую площадку, там стоял полковник Антипин И. Р. (в просторечии – Ира, в минуты раздражения – Ирод), врио начальника объекта № 17 ЦАЯ, кодовое обозначение «Виварий».

Они с г. Сало были примерно ровесниками, лет по сорок пять плюс-минус каждому. Анкетных данных этих двух господ я не знал. Но подозревал, что родились они в одном роддоме в один день. И там, в роддоме, их перепутали. Потому что ну какое из Сала – Сало? Господин Сало фигурой напоминает молоденькую стройную девушку... Не юношу, именно девушку, у юношей обычно плечи шире бедер, а не наоборот.

Фамилию Сало мог бы прославить г. Антипин... Сала на его фигуре хватает, внушительная у полковника фигура...

Перепутанный в младенчестве «Сало» усталился в окно, как будто выходило оно не на унылый пустырь, а на пляж,

облюбованный нудистками, и словно бы поджидал меня. А может, действительно поджидал, но демонстративно не замечал, увлеченный нудистками. Однако встал так, что мимо не проскочишь. Я поневоле остановился.

– Молчи и слушай, – пророкотал Антипин. Поздоровался, так сказать.

Тесный воротник сдавливал багровую полковничью шею, как гаррота. Губы не шевелились. Казалось, негромкий урчащий голос исходит прямиком из утробы, без всякого участия связок, гортани, губ и языка.

– Ты здесь не был, я тебя не видел, – чревовещал полковник. – Пиздуй отсюда, и если где по службе нагадил – прибери и подотри. Всем, чем ты занимался, заинтересовались «собисты», конкретно и плотно. Времени у тебя мало, через недельку грянут оргвыводы.

Собисты (не путать с особистами!) – сотрудники Департамента собственной безопасности ЦАЯ. Жабы особого вида, надзирающие за чистотой жабьих рядов. Чтоб не затесалась случайно лягушка или саламандра.

Это более чем серьезно, но «подтирать и прибирать» я не собирался. Если дано задание накопать материала на Питера Пэна – все равно накопают, даже с горкой, не стоит суетиться. Ох и немало покуролесил Питер Пэн до того, как отправился отдохнуть в госпиталь... Радует одно: неделя большой срок, многое можно успеть.

Антипин замолчал. Но с места не сдвинулся. Пройти

дальше я мог бы, только применив прием из арсенала регби, американского футбола или боевых единоборств.

– Вожак, – сказал врио, обращаясь к несуществующим нудисткам.

Те ничего не поняли. Я тоже.

– У нас в НИИ он числится как Шляпник, – пояснил Антипин (вот она, шаблонность людского мышления при раздаче названий и прозвищ!). – Если ты принесешь мне то, на чем он носит шляпу, о «собистах» можешь забыть. И о прочих своих проблемах тоже можешь забыть. Доступно излагаю?

– Если назвать голову головой, будет еще доступнее, – выдал я свою первую реплику в разговоре.

– Ты дурак, Пэн, и язык у тебя как помело. Если бы меня интересовала голова, я так бы и сказал: голова. Но на голову и прочее мне плевать, они давно у него не родные. Меня интересует то, на чем он носит шляпу.

– А-а-а-а...

До меня наконец дошло.

Безумный Шляпник – во многом загадочный и крайне отороженный мутант Зоны, многим другим мутантам командир и начальник, – действительно имел (и прятал под дурацким высоким цилиндром) странное украшение, произрастающее прямиком из темени: нечто вроде громадного, с грейпфрут размером, крабьего глаза на ножке. Иногда этот глаз светился собственным красным цветом, иногда сверкал от-

раженным, наподобие самоцвета.

Увидев, что я сообразил и проникся, Ирод попрощался со мной так же своеобразно, как и поздоровался:

– Пшел вон!

Массивная туша сдвинулась, освободила проход. Лучше бы он прислал на переговоры Сало, тот по крайней мере всегда приторно-вежлив.

Внизу я отклонился от прямого маршрута, заглянул в курилку. Вдруг, хоть там и тишина, кого-то застану? С таким начальством подчиненные наверняка курят молча и торопливо: ни баек, ни анекдотов, ни разговоров за жизнь...

Не застал.

Но кое-что, касающееся меня, в курилке увидел... И не только меня.

На стене висел рисунок. Карикатура, выдававшая полное отсутствие таланта и фантазии у автора сего «шедевра».

Громадная обезьяна, Кинг-Конг (только более приземистый и приплюснутый, чем волосатый герой фильмов и комиксов). На плечище у Кинг-Конга, как и полагается, сидит миниатюрная девушка, достаточно условная, не опознаваемая. Громадные кулачищи обезьяны упираются в землю, громадный половой орган направлен вверх и вперед, словно ракета «земля-воздух». Вокруг – разбегающиеся по сторонам мелкие уродцы. Один уродец, впрочем, нарисован крупно и вполне узнаваемо: грустный Эйнштейн в германском винтажном шлеме кайзеровских времен; сквозь шлем про-

бываются ветвистые олени рога.

И чтобы никто не усомнился, что здесь изображена не какая-то левая обезьяна (полковник Бабурин по прозвищу Бабуин, например), внизу надпись крупными буквами:

ПИТЕР ПЕНИС НАШЕЛ СВОЮ ЛЮБОВЬ!

Скомкал гнусный пасквиль, кинул в бак для окурков.

В сортире бы лучше повесили, самое место для такого юмора...

* * *

К школе, где училась Юля, я шагал неторопливо...

До окончания экзамена времени оставалось еще изрядно, и я поначалу было решил: устроюсь где-нибудь рядом со школой, найду укромный уголок, посижу там, изучу содержимое конверта, обмозгую, разложу все по полочкам... А там, глядишь, и экзамен закончится.

Вовремя спохватился: мало тебе проблем, Питер Пэн, сам себе сочиняешь новые... Приметит меня кто-нибудь в укромном уголке у школы, проявит бдительность и активную гражданскую позицию – и доказывай прикатившему наряду, что ты не педофил.

Спыхватился я не просто так... Спыхватиться меня заставило внешнее воздействие... Вот какое:

– Гражданин, можно вас на минуточку?

Голос, прозвучавший за моей спиной, был властный и ка-

зенный, и вопросительная интонация ничего не значила: опция буркнуть «нет!» и шагать как шагал не предусматривалась.

Обернулся.

Мент. Капитан полиции. Вылез из полицейского «Форда», мимо которого я только что задумчиво и равнодушно прошел. Не стоил «Форд» внимания: служба безопасности ЦАЯ никогда не подпустит к нашим игрищам каких-то там провинциальных ментов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.